

ФИЛОСОФИЯ ГЕРМАНА КОГЕНА

А. Л. Саккетти

*Публикация, предисловие и комментарии
Н. А. Дмитриевой^{1,2}*

Предисловие

Публикуемый текст русского неокантианца Александра Ливериевича Саккетти (13[25].08.1881, Санкт-Петербург — 15.02.1966, Москва) был обнаружен в Отделе рукописей Российской национальной (ранее — публичной) библиотеки Санкт-Петербурга в фонде Э. Л. Радлова и представляет собой авторизованную машинописную копию, датированную 8 июля 1918 г., объемом 30 л. увеличенного формата (35,0 × 22,0) (Саккетти, 1918).

А. Л. Саккетти — сын известного в начале XX в. музыковед, профессора Петербургской консерватории Л. А. Саккетти. В 1901 г. А. Л. Саккетти окончил Первую классическую гимназию в Санкт-Петербурге и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, обучение в котором завершил в 1908 г. с дипломом 1-й степени и был оставлен на кафедре государственного права для приготовления к профессорскому званию (см.: Савенко, 2002, с. 232–233). В студенческие годы Саккетти «принимал участие в занятиях кружка философии права проф. Л. И. Петражицкого, членом которого состоял, а также участвовал в практических занятиях по логике обществоведения академика А. С. Лаппо-Данилевского (теоретическая философия Канта и Гегеля и практическая философия Канта). Кро-

¹ Московский педагогический государственный университет.

119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236016, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14. Поступила в редакцию 16.12.2020 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2021-2-4

THE PHILOSOPHY OF HERMANN COHEN

A. L. Sakketti

*Publication, foreword and commentary
by N. A. Dmitrieva^{1,2}*

Foreword

The text by the Russian Neo-Kantian Aleksandr L. Sakketti (Sacchetti, born: 13 (25) August 1881, St. Petersburg, died: 15 February 1966, Moscow) which is published here was discovered at the Manuscript Department of the Russian National (formerly Public) Library of St. Petersburg in the Ernest L. Radlov collection. It is an authorised typewritten copy dated 8 July 1918 (Sakketti, 1918).

Aleksandr Sakketti was the son of Live-rii Sakketti, well-known in the early twentieth century as a music scholar and professor at the St. Petersburg Conservatory. In 1901 A. Sakketti finished the First Classic Gymnasium in St. Petersburg and enrolled at the Law Department of the St. Petersburg University. Upon graduating with a First Class Diploma in 1908 he was retained at the State Law Section to prepare for a professorship (cf. Savenko, 2002, pp. 232-233). During his studies at the university Sakketti “was a member of the law philosophy circle conducted by Professor Petrazhitzky and took part in practical classes in the logic of social science under Academy member A. S. Lappo-Danilevsky (theoretical philosophy of Kant and Hegel and practical philosophy of Kant). In addition to lectures

¹ Moscow Pedagogical State University.

1/1 Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russia.

² Immanuel Kant Baltic Federal University.

14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia.

Received: 16.12.2020.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-2-4

ме лекций и курсов по предметам юридическим посещал также лекции по философским и историческим наукам на историко-филологическом факультете» (Саккетти, 1914). Кроме того, Саккетти дважды стажировался в неокантианских центрах: летом 1905 г. «прослушал один семестр лекций в университете в городе Гейдельберге (по государственному праву у Еллинека и по философии у Виндельбанда)» (Там же), а летом 1910 г. в Марбурге посещал лекции Г. Когена по истории новой философии и П. Наторпа по логике (см.: Дмитриева, 2007, с. 201–202). В годы подготовки к магистерским испытаниям Саккетти также служил по ведомству Министерства юстиции в канцелярии Первого департамента Правительствующего сената (с 17 ноября 1908 г.)³, 6 сентября 1911 г. был «переведен на службу в Министерство народного просвещения с причислением к оному и откомандированием в Ученый комитет сего Министерства для исполнения обязанностей делопроизводителя VII класса. 20 февраля [1912 г.] произведен за выслугу лет в титулярные советники» (Формулярный список..., 1914). С 1914 г. — приват-доцент, в 1918 г. — профессор по теории права и истории политических учений в Петроградском университете. Дальнейшая деятельность Саккетти была связана с Советской Россией: в начале 1920-х гг. он работал в высших учебных заведениях Костромы и Иваново-Вознесенска; в 1923 г. был приглашен в Москву консультантом при Совете народных комиссаров РСФСР и Наркомате юстиции; с 1923 по 1927 г. был активным членом Философского отделения Государственной академии художественных наук; начиная с 1930-х гг. много занимался переводами с немецкого, французского и латинского языков, в частности трактатов Гуго Гроция (Савенко, 2002, с. 237–241).

Первоначальное название публикуемого текста предположительно — «Жизненный подвиг Германа Когена»: первые два слова в названии вымараны чернилами, но распознаются, над

³ Здесь и далее в цитатах для событий до 1917 г. приводятся даты по старому стилю.

and courses in legal subjects he attended lectures on philosophical and historical sciences at the History and Philology Department” (Sakketti, 1914). Furthermore, Sakketti spent two training periods at Neo-Kantian centres in Germany: in the summer of 1905 he “attended one semester of lectures at the Heidelberg University (on state law by Jellinek and on philosophy by Windelband” (*ibid.*) and in the summer of 1910 in Marburg he attended Hermann Cohen’s lectures on the history of new philosophy and P. Natorp’s lectures on logic (*cf.* Dmitrieva, 2007, pp. 201–202). While preparing for his magisterial examinations Sakketti also worked at the Governing Senate Office of the First Department (from 17 December 1908) and on 6 September 1911 was “transferred as staff member to the Ministry of Public Education and seconded to the Ministry Academic Council to perform the duties of filing clerk VII class. On 20 February [1912] he was promoted to the rank of titular councillor” (Anon., 1914). From 1914 he was *privatdozent* (senior lecturer) and from 1918 professor of the theory of law and history of political doctrines at the Petrograd University. Sakketti’s further activities were associated with Soviet Russia: in the early 1920s he worked at the institutions of higher education in Kostroma and Ivanovo-Voznesensk; in 1923 he was invited to Moscow to work as adviser to the RSFSR Council of People’s Commissars and at the People’s Commissariat of Justice; from 1923 until 1927 he was an active member of the Philosophical Department of the State Academy of Art Sciences; beginning in the 1930s he translated copiously from German, French and Latin, including the treatises of Hugo Grotius (*cf.* Savenko, pp. 237–241).

The supposed initial title of the text here published was “The Life Achievement of Hermann Cohen”. The first two significant words were blocked out in ink, but are visible. On

ними вписано слово «Философия». Появление этого текста, вероятно, связано с работой Саккетти в петроградской книгопродавческой и книгоиздательской трудовой артели «Наука и Школа», действительным членом правления которой он был с самого ее основания, то есть с 22 марта 1918 г. (Резниченко, 2017, с. 97). На обороте л. 16 сохранилась пометка от руки: «67/1928 Рукопись передана в Р[укописный] О[тдел] В. А. Беляевым по поручению Э. Л. Радлова, 15 августа 1928 г.». Виктор Адрианович Беляев (6[18].01.1883 — после 1953) до революции был приват-доцентом логики и метафизики Санкт-Петербургской духовной академии, в 1910 г. посещал занятия по философии в Марбургском университете (Дмитриева, 2007, с. 169), в 1919–1921 гг. был профессором философии Петроградского университета и членом Философского общества (см.: Шилов, 1999). С 1922 по 1929 г. работал в Публичной библиотеке Петрограда (Ленинграда), и, вероятно, через него профессор философии Петербургского (Петроградского, Ленинградского) университета и в 1918–1924 гг. директор Публичной библиотеки Эрнест Львович Радлов (20.11 [2.12].1854 — 28.12.1928) передавал в отдел рукописей свой архив. С апреля 1918 г. Радлов был членом той же книгоиздательской артели «Наука и Школа», что и Саккетти (см.: Резниченко, 2017, с. 97–98), и тесно сотрудничал с Беляевым не только в рамках своей работы в Публичной библиотеке, но и в Философском обществе при Петроградском университете (1921–1922) (см.: Резвых, 2014, с. 480).

Для какого издания мог предназначаться публикуемый текст, установить не удалось. Это один из ранних откликов в России на известие о смерти основателя Марбургской школы неокантианства Германа Когена (ум. 4 апреля 1918 г.). Несколько некрологов, вышедших в апреле 1918 г. в русской периодической печати (см.: Колеров, 2018), представляли собой в основном лишь краткие заметки в память о немецком мыслителе. Саккетти же стремился дать достаточно подробный научно-популярный очерк

top of them is written the word “Philosophy”. The appearance of this text was probably connected with Sakketti’s work for the Petrograd book-selling and publishing artel “Science and School” of which he was a full member of the board from its foundation on 22 March 1918 (Reznichenko, 2017, p. 97). A surviving handwritten note on the back of page 16 reads: “67/1928 Manuscript conveyed to M[anuscript] D[eartment] by V. A. Belyaev at the request of E. L. Radlov, 15 August 1928.” Victor A. Belyaev (6 January 1883 — after 1953) was before the Revolution a *privatdozent* (senior lecturer) of logic and metaphysics at the St. Petersburg Religious Academy, attended philosophy lectures at Marburg University (Dmitrieva, 2007, p. 169), in 1919–1921 was a philosophy professor at the Petrograd University and a member of the Philosophical Society (cf. Shilov, 1999). From 1922 to 1929 he worked at the Public Library of Petrograd (Leningrad) and it was apparently through him that Ernest L. Radlov (20 November [2 December] 1854 — 28 December 1928), professor of philosophy at the Petersburg (Petrograd, Leningrad) University and Director of the Public Library, conveyed his archive to the Manuscript Department. From April 1918 Radlov was a member of the “Science and School” book-publishing artel (cf. Reznichenko, 2017, pp. 97–98) and closely collaborated with Belyaev not only at the Public Library but also in the Philosophical Society at the Petrograd University (1921–1922) (cf. Rezvykh, 2014, p. 480).

It is unknown for what publication the text was intended. It is one of the early reactions in Russia to the news of the death (on 4 April 1918) of Hermann Cohen, the founder of the Marburg school of Neo-Kantianism. Several obituaries, published in April 1918 in Russian periodicals, were mainly brief notes in memory of the German thinker. Sakketti aimed to give a detailed popular science review of Co-

философии Когена, своего рода введение в его философскую систему, что в целом соответствовало задачам издательской артели (см.: Резниченко, 2017, с. 102–103). Примечательно, что в качестве четвертой части этой системы, наряду с логикой, этикой и эстетикой, Саккетти указывает психологию: в течение нескольких семестров в Марбурге, а затем в Берлине, незадолго до своей кончины, Коген читал лекции по этой дисциплине, определяя ее как «энциклопедию философии» и «учение о единстве культурного сознания» (Дмитриева, 2007, с. 101)⁴. Но вместо книги по психологии через год после смерти Когена состоялось издание его книги по философии религии — «Религия разума из источников иудаизма». Еще одна особенность публикуемого текста заключается в том, что Саккетти при рассмотрении когеновской философии упоминает те возражения, которые были высказаны в ее адрес русскими религиозными философами (см. ч. I.1 и I.3), и пытается разъяснить возникшее «недоумение».

В машинописи все зачеркивания и вставки сделаны от руки чернилами. Немецкие, латинские и древнегреческие слова и выражения вписаны от руки, в публикуемом тексте передаются курсивом. Прерывистые подчеркивания, встречающиеся в машинописи, также переданы курсивом. Кавычки в названиях философских текстов и в некоторых цитатах, где они были пропущены, добавлены публикатором по умолчанию. Текст написан в дореформенной орфографии, публикуется полностью в современной орфографии и пунктуации. В публикации сохранены прописные буквы в словах, которые автору представлялись особо значимыми, оставлены ударения над отдельными словами, поставленные от руки. Многоточия, встречающиеся в тексте, — авторские. Все конъектуры даны публикатором в квадратных скобках. Комментарии автора в отличие от комментариев публикатора отмечены специальным указанием в скобках.

⁴ Записи лекций и исследовательские материалы Когена считаются утраченными.

hen's philosophy, a kind of introduction to his philosophical system, which was in line with the tasks of the publishing artel (cf. Reznichenko, 2017, pp. 102-103). It is notable that, along with logic, ethics and aesthetics, Sakketti includes psychology as the fourth part of the system: during several semesters in Marburg and then in Berlin, shortly before his death, Cohen delivered lectures on that discipline, defining it as "the encyclopaedia of philosophy" and "the teaching on the unity of cultural consciousness" (Dmitrieva, 2007, p. 101).³ However, a year after Cohen's death, instead of the book on psychology, his book on the philosophy of religion was published — *Religion of Reason out of the Sources of Judaism*. Another feature of the text published here is that Sakketti, in rendering Cohen's philosophy, mentions the objections raised by Russian religious philosophers (see parts I.1 and I.3) and tries to clear up the "misunderstanding".

In the typewritten text all the deletions and insertions are made by hand in ink. German, Latin and Greek words and expressions are inserted by hand and are printed in italics in this text. Dotted underlining in the typewritten text is also conveyed in italics. Quotation marks in the titles of philosophical texts and in some quotations, where they are missing, have been added by the publisher by default. The publication retains upper case in the words deemed particularly important by the author. The text is published in full. The suspension dots are the author's. All conjectures are given in square brackets by the publisher. The author's comments, unlike those of the publisher, are indicated by a special note in brackets. The English translation omits the publisher's comments indicating the initial variants of corrected and authorised words and expressions.

³ Cohen's notes of these lectures and his research materials on psychology are deemed to have been lost.

Список литературы

Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М. : РОССПЭН, 2007.

Колеров М. А. Русский Коген: некрологи 1918 года // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 2. С. 58–63. doi: 10.5922/0207-6918-2018-2-4.

Резвых Т. М. Петербургское философское общество и журнал «Мысль» (1921–1923): новые документы // Исследования по истории русской мысли [10]: Ежегодник за 2010–2011 год / под ред. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М. : Модест Колеров, 2014. С. 479–492.

Резниченко А. И. «Симфоническая личность» и «трудовая артель»: Л. П. Карсавин в 1918 – 1922 гг. // Гуманитарная наука в России и перелом 1917 года : экзистенциальное измерение / под ред. О. А. Довгополовой, А. А. Каменских. СПб. : Алетейя, 2017. С. 97–108.

Савенко Г. В. Александр Ливериевич Саккетти // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 5. С. 232–241.

Саккетти А. Л. Curriculum vitae [1914] // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 155. Д. 1087. Л. 96.

Саккетти А. Л. Философия Германа Когена [1918] // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 626. Д. 126.

Формулярный список о службе причисленного к Министерству народного просвещения титулярного советника Александра Ливериевича Саккетти. Составлен по 17 мая 1914 г. [1914] // РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1087. Л. 92.

Шилов Л. А. Беляев Виктор Адрианович // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биограф. словарь. СПб. : РНБ, 1999. Т. 2. С. 91–94. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=20 (дата обращения: 25.08.2020).

I. Философия и наука

[1]

1918⁵ год, столь обильный крушениями и утратами, унес в могилу Германа Когена. Угас выдающийся мыслитель, создатель движения в области духа, основатель марбургской школы научного идеализма, духовный вожь религии-

⁵ Вставка вместо зачеркнутого слова «текущий».

References

Anon., 1914. *Formular List of the Service of Alexander Liverievich Sakketti, a titular councillor attached to the Ministry of National Education. Compiled to 17 May 1914.* [manuscript] Ministry of Public Education Collection, 733. Inventory 155, Folder 1087, Sheet 92. St. Petersburg: Russian State Historical Archive (RGIA). (In Rus.)

Dmitrieva, N. A., 2007. *Russkoe neokantianstvo: "Marburg" v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki* [Russian Neo-Kantianism: "Marburg" in Russia. Historical and Philosophical Essays]. Moscow: ROSSPEN. (In Rus.)

Kolero, M. A., 2018. Hermann Cohen: Russian Obituaries from 1918. *Kantian Journal*, 37(2), pp. 58-63. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2018-2-4>.

Rezvykh, T. M., 2014. Petersburg Philosophical Society and the Journal "Mysl" (1921–1923): New Documents. In: M. A. Kolero and N. S. Plotnikov, eds. 2014. *Studies in Russian Intellectual History* [10]. Yearbook for 2010–2011. Moskau: Modest Kolero, pp. 479-492. (In Rus.)

Reznichenko, A. I., 2017. "Symphonic Personality" and "Labour Artel": L. P. Karsavin in 1918–1922. In: O. A. Dovgoplova and A. A. Kamenskikh, eds. 2017. *Gumanitarnaja nauka v Rossii i perelom 1917 goda: ekzistencial'noe izmerenie* [Humanitarian Science in Russia and the Turning Point of 1917: An Existential Dimension]. St. Petersburg: Aletheia, pp. 97-108. (In Rus.)

Savenko, G. V., 2002. Aleksandr Liverievich Sakketti. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 5, pp. 232-241. (In Rus.)

Sakketti, A. L., 1914. *Curriculum vitae*. [manuscript] Ministry of Public Education Collection, 733. Inventory 155, Folder 1087, Sheet 96. St. Petersburg: Russian State Historical Archive (RGIA). (In Rus.)

Sakketti, A. L., 1918. *Philosophy of Hermann Cohen*. [manuscript] E. L. Radlov Collection, 626. Folder 126. 30 sheets oversized (35,0 × 22,0). Moscow: Russian National Library, Manuscript Department. (In Rus.)

Shilov, L. A., 1999. Belyaev Viktor Andrianovich. In: *Sotrudniki RNB – deyateli nauki i kul'tury. Biograficheskii slovar'* [Russian National Library Staff – Figures in Science and Culture. Biographical Dictionary], Volume 2. St. Petersburg: RNB, pp. 91-94. Available at: Russian National Library <http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=20> (Accessed 25 August 2020). (In Rus.)

озного протестантства⁶ в иудаизме. При жизни Коген являл собою величественный образ подлинного атлета человеческой мысли. В наше время эпигонов, изобилия всякого рода школ и направлений, учителей мудрости и профессоров философии, наставников любомудрия и мудролюбия Герман Коген, как едва ли кто другой, воскрешал память о подлинных корифеях философской мысли. Вокруг имени Когена в последнее время кипела борьба, скрещивались копья⁷, звенели клинки. В России против него, как вождя⁸ «имманентизма», были направлены острия полемики блюстителей правоверия трансцендентной метафизики, как это показывает и недавний⁹ замечательный труд кн. Е. Трубецкого¹⁰, этот полновесный вклад в сокровищницу философской критики. Все это показывает, что не улеглись еще страсти вокруг жизненного подвига Г. Когена, что для него еще не настало потомство.

Коген сошел в могилу маститым семидесятипятилетним старцем, выполнив в главных чертах свой жизненный подвиг, т. е. значительную часть системы философии; донныне вышли в свет три части системы: «Логика чистого познания», «Этика чистой воли» и «Эстетика чистого чувства». Не напечатана до сих пор последняя, четвертая часть системы — Психология.

Имя Германа Когена, несомненно, принадлежит истории и будущему, сейчас же при оценке дела его жизни неизбежны «ошибки перспективы»: для одних Коген еще не вырос во весь свой духовный рост, для иных же, вследствие близости расстояния, Коген неизбежно вырастает чрезмерным гигантом. Попытаемся же¹¹ воздать должное памяти Когена, не умаляя его жизненного подвига и не возводя ему незаслуженного мавзолея...

⁶ Вставка вместо зачеркнутого слова «направления».

⁷ Вставка вместо зачеркнутого слова «мечи».

⁸ Далее зачеркнуто: «нечестивого».

⁹ Вставка вместо зачеркнутого слова «последний».

¹⁰ Кн. Е. Трубецкой. Метафизические предположения познания. Изд. автора. М. 1917 г. (примеч. авт.).

¹¹ Далее зачеркнуто: «в краткой посмертной заметке».

I. Philosophy and Science

[1]

The year 1918, replete with disasters and losses, carried away the life of Hermann Cohen. An outstanding thinker, creator of a movement in the realm of the spirit, founder of the Marburg school of scientific idealism, the spiritual leader of religious Protestantism in Judaism passed away. In his lifetime Cohen was a magnificent image of a true athlete of human thought. In our time of epigones, an abundance of various schools and trends, teachers of wisdom and professors of philosophy, mentors of love of wisdom, Hermann Cohen, perhaps like no one else, brought back memories of true titans of philosophical thought. In recent times the struggle was raging, lances were broken and swords were crossed over Cohen's name. In Russia, he, as the leader of "immanentism", has been the target of polemical arrows of the guardians of orthodox transcendental metaphysics, as witnessed by the recent remarkable work of Prince Trubetskoy,⁴ that weighty contribution to the treasure-house of philosophical critique.⁵ All this shows that passions around the life achievement of H. Cohen have not subsided and that he has not receded into the past.

Cohen descended into the grave as a seventy-five-year-old Grand Old Man, having largely fulfilled his life achievement, i. e. producing a significant part of a philosophical system, three parts of which have already appeared: *The Logic of Cognition*, *The Ethics of Pure Will* and *The Aes-*

⁴ Prince Evgeny N. Trubetskoy. *Metafizicheskie predpolozheniia poznaniia. Opyt preodoleniia Kanta i kantianstva* [Metaphysical Presuppositions of Knowledge. An Attempt to Overcome Kant and Kantianism]. Author's publication. Moscow, 1917. [In Rus.] (author's note).

⁵ For an analysis of this book see: Krouglov, A. N., 2016. Evgeny N. Trubetskoy and Overcoming the Neo-Kantian Kant. *Russian Studies in Philosophy*, 54(5), pp. 408-421. doi: <http://dx.doi.org/10.1080/10611967.2016.1290417>

Свою научно-литературную деятельность Коген начал давно, в шестидесятых¹² годах минувшего столетия, сотрудничеством с гербартианцами Лацарусом и Штейнталем. Тогда же появились, частью на страницах основанного последними журнала¹³, и первые любопытные работы будущего знаменитого философа, посвященные психологии мифотворчества. Вся последующая работа его мысли может быть в известном смысле определена как постепенное и настойчивое освобождение, эмансипация от психологизма в познании и преодоление мифа, мифологии в области религии. Решительный и окончательный поворот в образе мыслей и в направлении дальнейшего научно-философского творчества Когена связан с его обращением к изучению и истолкованию философии Канта, что произошло в семидесятых годах¹⁴ минувшего столетия.

С этого момента Коген становится в ряды передовых вождей и бойцов могучего движения «назад к Канту», на долгие годы определившего судьбы и наложившего неизгладимую печать на ход развития философской мысли последних десятилетий XIX века не только в Германии, но также за пределами ее. С этих пор Коген неизменно стоит в рядах передовых бойцов *кантианства* с тою только разницею, что, тогда как другие сторонники этого направления, как Риль, Шуппе, Ремке, впоследствии приблизились к Юму и позитивизму, другие, как Виндельбанд, Риккерт, Ласк, обратились к Фихте, пытливая мысль Когена не удовлетворялась этими ближайшими этапами развития европейской философской мысли и, отыскивая более глубокие источники и корни современного культурного сознания, восходила от Канта к лучезарнейшим и подлиннейшим светочам мировой мысли — Лейбницу, Декарту и,

thetics of Pure Feeling. The final fourth part of the system — *Psychology* — has yet to be published.

The name of Hermann Cohen undoubtedly belongs to history and the future, but today, in assessing his life's accomplishment, "errors of perspective" are inevitable; for some, Cohen has yet to attain his full spiritual stature while for others, at close range, Cohen inevitably becomes a towering giant. Let us try to give Cohen's memory its due without belittling his life's achievement or erecting an undeserved mausoleum to him...

Cohen started his scholarly and literary activities a long time ago in the 1860s, in cooperation with the Herbartians Lazarus and Steinthal. It was at that time, partly in the pages of a journal founded by the latter,⁶ that the first interesting works of the future famous philosopher were published, devoted to the psychology of myth-making. The subsequent work of his thought can be in some sense described as gradual and relentless liberation, emancipation from psychologism in cognition and the overcoming of myth and mythology in the field of religion. The decisive and final turn in Cohen's mode of thought and the direction of his further scientific and philosophical work occurred in the 1870s when he undertook the study and interpretation of Kant's philosophy.

From that moment onward Cohen joined the ranks of advanced leaders and fighters of the powerful "Back to Kant" movement which determined the fate of, and left an indelible imprint on, the development of philosophical thought in the last decades of the nineteenth century in and outside Germany. Since that time Cohen was constantly in the front ranks of the champions of *Kantianism* with this difference that, while other followers of this trend such as [Alois] Riehl, [Wilhelm] Schuppe, and

¹² Вставка вместо зачеркнутого слова «семидесятых».

¹³ *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft* (основан в 1859 г.) (примеч. авт.).

¹⁴ Вставка вместо зачеркнутых слов «в половине семидесятых годов».

⁶ *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft* (founded in 1859) (author's note).

наконец, к величайшему создателю философского идеализма, божественному Платону.

Лозунг «назад к Канту» был соответственно видоизменен Когеном и заменен более дерзновенным призывом «назад к Платону».

Призыв «назад» и «вспять» вместе с тем звучал как призыв «вперед», ибо разыскание исторических источников и корней культурного сознания должно было вместе с тем дать основу и опору для развития и движения вперед, открыть бесконечные дали грядущего. Постепенно вокруг Г. Когена сосредоточивается группа союзников, единомышленников, как Пауль Наторп, Август Штадлер, Форлендер, Кассирер, Гёрланд, из более молодых — Н. Гартман, Ланц и Гавронский¹⁵, образуется философская школа, создается сильное движение, в сфере влияния которого оказываются Курд Лассвиц, Рудольф Штаммлер и Франц Штаудингер.

2

Обращение Когена к изучению и толкованию Канта встретило весьма различную, порою прямо противоположную и противоречивую оценку. Одни видели в нем не более как «кантианского талмудиста», глоссатора и комментатора трех «Критик» Канта, этих философских дигест кёнигсбергского законодателя Чистого Разума. Напротив, блюстители кантианского¹⁶ правоверия усмотрели в толковании Канта Когеном новую ересь и схизму, проповедь и провозглашение «очищенного» Канта, исправленного и дополненного, лишённого присущих ему исторически выявленных свойств, противоречий и недостатков, придающих его образу подлинную конкретность и живость.

¹⁵ Три последних имени принадлежат выходцам из России, учившимся у Когена в Марбурге и позднее сделавшим научную карьеру на Западе: Н. А. Гартман в Германии, Г. Э. Ланц в США, Д. О. Гавронский в Швейцарии.

¹⁶ Было «старо-кантианского», зачеркнуто: «старо-».

[Johannes] Rehmke later drew closer to Hume and Positivism, and others, like [Wilhelm] Windelband, [Heinrich] Rickert and [Emil] Lask turned to Fichte, Cohen's inquisitive mind was not content with these nearest stages in the development of European philosophical thought and, searching for deeper sources and roots of contemporary cultural consciousness, ascended from Kant to the most radiant and most genuine luminaries of world thought — Leibniz, Descartes and, finally, the great creator of philosophical idealism, the divine Plato.

Accordingly, Cohen altered the slogan "Back to Kant" replacing it with a more daring call, "Back to Plato."

The call "Back" and "Return" simultaneously sounded as a call "Forward" because the search for historical sources and roots of cultural consciousness had at the same time to provide the basis and support for the development and forward movement and to open infinite vistas of what was to come. Gradually, a group of allies and like-thinking scholars gathered around Cohen: [Paul] Natorp, [August] Stadler, [Karl] Vorländer, [Ernst] Cassirer, [Albert] Görland and, among younger ones, N[icolai] Hartmann, [Henry] Lanz and [Dmitri] Gawronsky,⁷ a philosophical school was formed and a powerful movement emerged which brought Kurd Laßwitz, Rudolf Stammer and Franz Staudinger into its fold.

2

Cohen's turning to the study and interpretation of Kant met with a mixed, sometimes oppositional and controversial assessment. Some saw him as no more than "a Kantian Talmudist", a compiler of a glossary and commentator on Kant's three *Critiques*, these philosophical

⁷ The last three names are those of Russians who studied under Cohen in Marburg and later made scholarly careers in the West: Hartmann in Germany, Lanz in the USA and Gawronsky in Switzerland.

Разлад Когена с обычным кантианским толкованием и преданием столь значителен, что такой осторожный¹⁷ мыслитель, как Н. О. Лосский, в его «Введении в философию» предпочитает давать своим читателям двоякое изложение учения Канта: общепринятое, поддержанное господствующим преданием, и другое¹⁸, «очищенное» истолкованием Когена, в его комментарии¹⁹ на три «Критики»²⁰.

Этот поразительный факт весьма естественно и²¹ просто объясняется тем, что истолкование Канта Когеном было не рабским, словесным или буквальным, каков, например, полезнейший «филологический» комментарий Ганса Файгингера; не догматическим раскрытием внутренней ткани и состава учения Канта, взятого само по себе и независимо от других учений и философов; но критическим, свободным и творческим раскрытием и воспроизведением учения Канта как ступени развития²² в ряду других однородных попыток, дерзновенных и достижений человеческого духа на путях разыскания немеркнувшей Всесовершенной Истины. Немудрено поэтому, что истолкование и раскрытие учения Канта у Когена постепенно и незаметно превратилось в прямое преодоление Канта, что мы и находим в «Системе философии» самого Когена, где творческая мысль его свободно воспаряет на своих собственных крыльях.

Но если Когену и удалось преодолеть Канта как вполне законченное и условно ограниченное явление, временное событие в истории развития человеческой мысли, тем не менее Коге-

digests of the Königsberg legislator of Pure Reason. By contrast, the guardians of Kantian orthodoxy saw Cohen's interpretation of Kant as a new heresy and schism, a preaching and declaration of a "purified" Kant, corrected and enlarged, devoid of his historically established properties, contradictions and shortcomings that lend genuine authenticity and vitality to his image.

So significant is the difference from the traditional Kantian interpretation and legend that such a cautious thinker as N. O. Lossky in his *Introduction to Philosophy* chose to offer his readers two versions of Kant's teaching: the generally accepted one, anchored in the dominant legend, and another one, the "purified" interpretation offered by Cohen in his commentary⁸ to the three *Critiques*.⁹ This striking fact is very naturally and easily explained. Cohen's interpretation of Kant was not slavish, verbal or literal as, for example, the very useful "philological" commentary by Hans Vaihinger; not a dogmatic description of the inner fabric and composition of Kant's teaching, taken by itself and independent of other teachings and philosophemes; but a critical, uninhibited and creative explication and reproduction of Kant's teaching as a stage of development among other similar attempts, efforts and achievements of the human spirit in quest of the unfading Most Perfect Truth. Not surprisingly, Cohen's interpretation and explanation of Kant's teaching gradually and quietly turned into an overcoming of Kant, which we find in Cohen's *System of Philosophy* in which his creative thought soars freely on its own wings.

However, although Cohen managed to overcome Kant as a complete and limited phenom-

¹⁷ Далее зачеркнуто: «и объективный».

¹⁸ Этого слово внесено от руки.

¹⁹ Очевидно, имеются в виду три книги Когена — «Kants Theorie der Erfahrung» (1871), «Kants Begründung der Ethik» (1877) и «Kants Begründung der Aesthetik» (1889), — посвященные трем кантовским «Критикам».

²⁰ Н. О. Лосский. Введение в философию. Ч. I. Изд. 2[-e]. СПб. 1915. Стр. 128—231 (примеч. авт.).

²¹ Союз «и» внесен от руки.

²² Далее зачеркнуто: «и достижения Вечной Истины».

⁸ Apparently this refers to three of Cohen's books, *Kants Theorie der Erfahrung* (1871), *Kants Begründung der Ethik* (1877) and *Kants Begründung der Aesthetik* (1889), dealing with the three Kantian *Critiques*.

⁹ N. O. Lossky. *Vvedeniye v filosofiyu* [An Introduction to Philosophy]. Part I. 2nd edition. St. Petersburg, 1915, pp. 128-231. [In Rus.] (author's note).

ну посчастливилось²³ вскрыть у Канта некоторое непреходящее достижение, некоторую частицу немеркнувшей Истины. Эта частица непреходящей Истины открыта Когеном у Канта в виде принципа *трансцендентального метода*, или *ориентирования философии в факте науки*.

3

Принцип и норма трансцендентального метода, согласно известному определению Когена, заключается в следующей скромной, простой мысли, *der schlichte Gedanke*: «те элементы сознания суть элементы *познающего* сознания, которые достаточны и необходимы для обоснования и укрепления факта науки... Элементы сознания должны обнаружить свою плодотворность в качестве основ науки, и предпосылки науки должны получить значение основных черт познающего сознания» (H. Cohen. *Kants Theorie der Erfahrung*. 2[-e] изд. 1885. стр. 77–78).

Что же означает этот своеобразный трансцендентальный метод, или ориентирование познания в факте науки? — Не что иное, как *умозаключение от факта науки* и, в частности, от математического естествознания, к *необходимым и достаточным условиям, к основным предположениям*²⁴ науки, каковы время, число, пространство, величина, субстанциальность, причинность, систематическая взаимообусловленность и т. д., т. е. к тому, что нередко именуют основами, или *принципами*, научного знания.

Дело представляется, таким образом, в следующем виде. Среди различного рода фактов, явлений особо своеобразное положение занимает факт существования и последовательного развития науки, научного знания. Существование и развитие науки, научного знания создает своеобразную проблему, задачу: объяснить, как возможна вообще наука, как возможно математическое естествознание или, в исторической постановке вопроса «Критики чистого разума»: *как*

enon, a temporal event in the history of the development of human thought, nevertheless Cohen was lucky enough to discover in Kant an intransient achievement, a particle of the unfading Truth. The particle of intransient Truth Cohen discovered in Kant is the principle of the *transcendental method* or the *orientation of philosophy in the fact of science*.

3

The principle and norm of the transcendental method, according to a well-known definition of Cohen, consists in the following modest, simple idea, *der schlichte Gedanke*: “[...] among the elements of consciousness the elements of *cognising* consciousness are those which are sufficient and necessary for grounding and strengthening the fact of science. [...] The elements of consciousness must be effective as the foundations of science and the prerequisites of science must be clearly recognised as the characteristics of the *cognising* consciousness” (H. Cohen. *Kants Theorie der Erfahrung*. 2nd ed. 1885, p. 77-78).

What is the meaning of this original transcendental method or orientation of cognition in the fact of science? None other than *inference from the fact of science*, in particular, from mathematical natural science to the *necessary and sufficient conditions, the main presuppositions of science* such as time, number, space, extent, substantiality, causality, systemic mutual conditioning, etc., i. e. to what is often referred to as the foundations or *principles* of scientific knowledge.

Thus, the picture that emerges is as follows. Among the various facts and phenomena the fact of the existence and consistent development of science, of scientific knowledge occupies a special position. The existence and development of science, of scientific knowledge creates a distinctive problem, the task of explaining how science in general is possible,

²³ Вместо зачеркнутого слова «удалось».

²⁴ Приставка «пред-» вписана сверху от руки.

возможны синтетические суждения априори, т.е. суждения математики и механики Ньютона.

Как видно из сказанного, и предмет, т.е. факт научного знания, и постановка вопроса, и путь решения его, т.е. метод, совершенно своеобразны и коренным образом отличны от предмета, задач и методов отдельных положительных наук, занятых в конце концов классификацией и объяснением многообразных фактов действительности методами анализа и синтеза, индукции и дедукции. И т[ак] к[ак] проблема обоснования наук не может входить в область какой-либо частной науки, например обоснование математики, физики или химии не входит ни в математику, ни в физику, ни в химию и т.д., то очевидно, что проблема самой науки должна входить в какую-то иную область. Коген относит ее к области философии.

Но тут неизбежно возникает недоумение. Допустим, что проблема науки не есть предмет самой науки и входит в область философии. Этим, однако, отнюдь не очерчена и не ограничена область самой философии в целом. Было бы жестоким догматизмом прикреплять философию к решению проблемы науки. Это создало бы новое закрепощение и кабалу для философии. Подобно тому как средневековая схоластика превращала философию в служанку богословия, так новая схоластика в лице Когена грозит превратить философию в служанку науки. Да к чему, в самом деле, философу ограничивать свой кругозор рамками научного знания! Разве перед его взором не открыт бесконечно разнообразный и неисчерпаемо богатый мир реальной действительности? К чему же ему, не в пример прочим простым смертным, отворачиваться от жизни и действительности и замыкаться в мире безжизненных построений и сухих понятий, вместо того чтобы обратить открытый и ясный взор на мир и жизнь, вооружаться искусственными очками, всегда более или менее преломляющими лучи света, или, тем паче, вместо созерцания самой действительной жизни заниматься «рассмо-

how mathematical natural science is possible or, in the historical perspective found in the *Critique of Pure Reason*, *How are synthetic judgments a priori possible?*, i. e. the judgements of mathematics and Newton's mechanics.

As has been seen from the above, the object, i. e. the fact of scientific knowledge, and the formulation of the question and the way of solving it, i. e. the method, are totally original and radically different from the object, tasks and methods of individual positive sciences, which are ultimately engaged in classification and explanation of the diverse facts of reality by the methods of analysis and synthesis, induction and deduction. Since the problem of grounding sciences cannot belong to the domain of any particular science, e. g. the grounding of mathematics, physics or chemistry is not part of mathematics, or physics or chemistry, etc., it is obvious that the problem of science itself must belong to some other domain. Cohen refers it to philosophy.

But this inevitably leads to misunderstanding. Suppose the problem of science is not the object of science itself and pertains to philosophy. That, however, does not delineate or limit the area of philosophy as a whole. It would be rigid dogmatism to bind philosophy to the solution of the problem of science. That would create a new serfdom and bondage for philosophy. Just as medieval scholasticism turned philosophy into a maidservant of theology, so the new scholasticism of Cohen threatens to turn philosophy into a maidservant of science. But why indeed should the philosopher confine his horizon to scientific knowledge! Is not the infinitely diverse and inexhaustibly rich world of reality open to his gaze? Why should he, unlike ordinary mortals, turn away from life and reality and withdraw into a world of lifeless constructions and dry concepts instead of turning an open and clear eye to the world and life; why should he arm himself with artificial spec-

трением очков»[?] Поистине, пресловутое «открытие» Когеном трансцендентального метода представляет какой-то сомнительный «дар да-найцев», от которого не мешает как можно скорее отказаться...

Нам думается, что подобные недоумения являются следствием недоразумения, и мысль Когена об ориентировании философии в науке имеет более глубокий и полновесный смысл, нежели это может показаться.

Подобно тому как всякое объяснение фактов предполагает ту или иную классификацию самых явлений, так и обоснование научного знания в философии Когена обусловлено известным различием знания от того, что не есть знание, но легко может быть с ним смешано.

4

В полном согласии и внутреннем созвучии с великими учителями философского идеализма, Платоном, Кантом и Гегелем, Коген проводит строгое различие между восприятием, наблюдением, обобщающем отвлечением, с одной стороны, и знанием, *Erkenntnis* — с другой. Многообразие отдельных единичных явлений, вещей дается, разворачивается в опыте, т.е. в единичном восприятии и наблюдении; данные восприятий подвергаются дальнейшей обработке путем сравнения, отвлечения и обобщения. Сообщаемый опытом материал фактов, явлений ограничен исключительно пределами самого опыта, т.е. теми именно данными, которые сообщаются восприятием, а оно лишь доводит до сведения сознания, *meldet an*, о тех или иных явлениях — и только. Представление лишь воспроизводит и разнообразно сочетает, комбинирует данные непосредственного восприятия. Обобщение данных восприятия лишь устанавливает путем сопоставления, сравнения и отвлечения общие черты данных восприятия, т.е. отдельных явлений, фактов. Таким образом, результат опыта есть не что иное, как совокупность отдельных восприя-

tacles which always more or less refract rays of light or even more, instead of contemplating real life, “contemplate the spectacles”? Truly, Cohen’s notorious “discovery” of the transcendental method is a dubious Greek gift which is best given up as soon as possible...

We believe that such misunderstandings are the result of misapprehension, and that Cohen’s idea of the orientation of philosophy in science carries a more profound and robust meaning than meets the eye.

Just as any explanation of facts implies a classification of the phenomena themselves, so the grounding of scientific knowledge in Cohen’s philosophy presupposes a differentiation of knowledge from what is not knowledge but can easily be mistaken for it.

4

In full accordance and inner consonance with the great teachers of philosophical idealism, Plato, Kant and Hegel, Cohen draws a rigorous distinction between perception, observation and generalising abstraction on the one hand, and cognition, *Erkenntnis*, on the other. The diversity of singular phenomena or things is given and unfolds in experience, i. e. in singular perception and observation; the data of perceptions are further processed by comparison, abstraction and generalisation. The material of facts and phenomena delivered by experience is confined to experience, i. e. to the data which are provided by perception, which merely reports, *meldet an*, phenomena to consciousness — and no more. Representation only reproduces and variously compounds or combines the data of spontaneous perception. Generalisation of the data of perception merely uses juxtaposition, comparison and abstraction to establish general features of the data rendered by perception, i. e. individual phenomena and facts. Thus, the result of experience is nothing more

тий, наблюдений или обобщенные представления отдельных черт, рассеянных во множестве явлений. Восприятия, наблюдения и общие представления принадлежат к миру душевных переживаний, т. е. это есть известные психические явления, факты. Далее, опыт хотя и направлен непосредственно на многообразное, единичное и конкретное, но *результаты* опыта дают *отвлечение, абстракцию*. Ибо общие представления содержат «преодоление» бесконечного неисчерпаемого многообразия действительности, если говорить словами Г. Риккерта. А преодоление бесконечного многообразия состоит не в чем ином, как в забвении самой бесконечности, в удержании и сохранении, «изолировании» отдельных сторон и черт явлений. Так, ценою «изолирования», *выделения* получается упрощение и обеднение богатства многообразной действительности, отвлечение, абстрагирование ее отдельных моментов от всей многосложной ткани. Наблюдение и опыт, непосредственно направленные и устремленные на единичное, многообразное и конкретное, на самом деле дают мертвые отвлечения, пустые обобщения, которые, как известно из формальной логики, чем шире по объему, тем беднее содержанием. Наконец, наблюдение и опыт не дают сами по себе чего-либо цельного, единого. Результаты опыта — единичные сведения, производные сочетания самостоятельных данных, бледные, отраженные тени, безжизненные, бескровные схемы. Правда, наблюдение, сравнение и обобщение редко даны в таком чистом виде: «чистый опыт» есть весьма искусственный препарат, результат весьма томительной дистилляции, надуманной «критики» (Авенариус). На самом деле наблюдение и опыт обыкновенно руководствуются известным направлением, точкой зрения, или целью, ради которой предпринимаются эти наблюдения и обобщения. Таким образом, уже в простом наблюдении, сравнении и обобщении обыкновенно заложено нечто такое, что выходит и выходит за пределы наличного непосредственного опыта, то или иное направление, или цель.

than the combination of separate perceptions, observations or the generalised representations of separate features scattered across a multitude of phenomena. Perceptions, observations and general representations belong to the realm of mental experiences, i. e. these are mental phenomena and facts. Further, although experience is directed towards the manifold, the singular and the concrete, the *results* of experience yield an *abstraction*. For general representations contain the “*overcoming*” of the infinite and inexhaustible diversity of reality, to use H. Rickert’s words. The overcoming of the infinite diversity consists precisely in forgetting infinity, in capturing and preserving, “isolating” particular aspects and features of phenomena. Thus, *isolation* simplifies and impoverishes the richness of manifold reality and abstracts some of its particular aspects from the entire intricate fabric. Observation and experience, directly targeting the singular, the diverse and the concrete, actually yields dead abstractions, empty generalisations which, as is known from formal logic, are the more lacking in content the broader they are. Finally, observation and experience in themselves do not yield anything whole. The results of experience are isolated data, derivative combinations of independent data, pale shadows, lifeless and anemic schemes. True, observation, comparison and generalisation are seldom given in such a pure form: “pure experience” is a very artificial preparation, the result of tedious distillation and speculative “critique” (Avenarius). In reality, observation and experience usually follow a certain guideline, have a point of view or a goal for the sake of which these observations and generalisations are undertaken. Thus, even the simple observation, comparison and generalisation usually have something that goes beyond immediate experience, a certain direction or goal.

By contrast, cognition is not a mental experience, and in general is not a phenomenon, *not*

Напротив, познание не есть душевное переживание, вообще не есть явление, *не есть нечто сущее*, по словам Платона. Понятие, Логос, по учению Сократа, есть прежде всего вопрос [«]что есть?[/»]. Неутомимо отыскивая истину, Сократ останавливает на улице знакомого прохожего и забрасывает его испытующими вопросами: напр., *кто есть муж государственный?* Так в разыскании истинных понятий возникает *майевтика* Сократа, повивальное искусство мысли. Но недостаточно поставить, задать вопрос; необходимо дать ему и разрешение, ответ. Необходимо *дать отчет* в понятии, учит божественный Платон. Мальчику, несведущему в геометрии, задана задача: удвоить площадь квадрата. После неудачных попыток и колебаний ответ найден: необходимо построить новый квадрат на диагонали данного. Квадрат диагонали есть ответ на вопрос и отчет в понятии. Итак, знание есть *целая мысль*, от начала, т. е. от вопроса, задания, до конца, т. е. до ответа, решения. Всякое понятие, всякое положение, суждение есть некоторое *целое единство*, охватывающее многообразные моменты, порождаемые, вытекающие из него.

Словом, знание есть не что иное, как раскрытие *единства в многообразии* и *многообразия в единстве*, тождество в различии, согласие противоположного, или *синтез единства*. «Синтез есть синтез единства», — учит Коген в «Логике чистого познания»; «синтез хотя и направлен к единству, но имеет своею предпосылкою множество»²⁵. «Фиксационною точкою мыслящего сознания — а только мыслящее сознание является сознанием в полном смысле слова, — поясняет П. Наторп мысль Когена, — служит *единство*, то единство, в котором временно-различное объединяется именно тогда, когда мысль не рассеивается уже по разбросанному во времени, но концентрируется сама в себе и вместе с тем концентрирует в себе разрозненные

something existing, according to Plato. The concept, Logos, according to the teaching of Socrates, is first and foremost the question, “What is X?” In tirelessly searching for the truth Socrates stops an acquaintance in the street and showers him with probing questions, e. g. *Who is a statesman?* In his quest of true concepts Socrates arrives at the concept of *maieutics*, likening thought to midwifery. However, it is not enough to ask a question; it is also necessary to provide a solution, an answer. It is necessary to *give an account* of the concept, as the divine Plato teaches. A boy, ignorant of geometry, is given the task of doubling the area of a square. After several unsuccessful attempts and some hesitation the answer is found: it is necessary to build a new square on the diagonal of the given one. The square of the diagonal is the answer to the question and the account of the concept. Thus, knowledge is a *complete thought*, from the beginning, i. e. the question, the task, to the end, i. e. the answer, the solution. Every concept, every proposition, judgment is a *whole unity spanning the manifold features* it engenders.

In short, knowledge is nothing else than the uncovering of *unity in diversity* and *diversity in unity*, identity in difference, harmony of opposites or *synthesis of unity*. “Synthesis is synthesis of unity,” Cohen writes in the *Logic of Pure Cognition*; “synthesis, although directed towards unity, is premised on multiplicity.”¹⁰ Elaborating Cohen’s thought, P. Natorp writes: “The fixing point of the thinking consciousness — and only thinking consciousness is consciousness in the full sense of the word — is *unity*, i. e. unity in which the temporarily different is united precisely when thought is not scattered across what is scattered in time, but is concentrated within itself and at

²⁵ H. Cohen. *System der Philosophie. Erster Theil. Logik der reinen Erkenntnis*. Berlin. 1902. Стр. 23 и 24 (примеч. авт.).

¹⁰ H. Cohen. *System der Philosophie. Erster Theil. Logik der reinen Erkenntnis*. Berlin, 1902, pp. 23-24 (author’s note).

элементы своего содержания; тогда лишь она объединяет их в некотором истинном содержании», «сознание — это единство многообразного, тождество того, что в то же время должно различаться»²⁶.

«Наука, — поясняет Р. Штаммлер, — есть всякое сознание, направленное к *единству* и завершаемое в преобразовании к единству. Стремлением к единству наука отличается от простой осведомленности (*Kunde*). Она²⁷ зовется *чистой* наукою, или *теориею* в лучшем значении слова, если преследуемое единство *безусловно* и представляет идею освобожденного от материала совершенства. Она, напротив, есть *техническая* отрасль знания в том случае, если довольствуется таким познанием, которое в любой момент ограничено определенным конечным материалом»²⁸.

Так от мозаичного и отрывочного опытного восприятия сознание поднимается к *единству познания*, которое мыслится не как зависимое производное, не как простая совокупность отдельных восприятий, или отвлеченное обобщение самостоятельных наблюдений, но как основное, коренное и потому *созидательное, творческое единство*, как *источник возникновения многообразия, Ursprung der Erzeugung*. «Ибо мы знаем, — учит Коген, — что в вопросе о мышлении, т. е. о создании, дело идет о *единстве*. А отсюда следует, что множество, служащее предпосылкою для единства, если только такая предпосылка может быть целесообразна, само должно быть создано (*erzeugt*), т. е. тоже само должно быть мыслимо как некоторое единство. Взгляд, что многообразие может быть дано мышлению откуда-то извне, тем самым сразу же устраняется»²⁹.

²⁶ П. Наторп. Социальная педагогика. Перев. А. А. Громбаха. СПб. 1911. Стр. [19—]20 и 21 (*примеч. авт.*).

²⁷ В машинописи: «оно». Сверено по немецкому источнику.

²⁸ R. Stammler. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin. 1902. Стр. 5 (*примеч. авт.*).

²⁹ Logik der reinen Erkenntnis. Стр. 26 (*примеч. авт.*).

the same time concentrates in itself the scattered elements of its content; it is only then that it combines them in some true content," "consciousness is unity of the manifold, identity of what must at the same time differ."¹¹ "Science," R. Stammler explains, "is any consciousness that is directed towards *unity* and is completed in transformation towards unity. The striving for unity distinguishes science from mere awareness (*Kunde*). It is called *pure science* or *theory* in the best meaning of the word if the unity pursued is *unconditional* and represents an idea of perfection liberated from material. By contrast, it is a *technical* area of knowledge if it is content with such cognition that can at any moment be limited by a certain finite material."¹² Thus, consciousness ascends from mosaic-like and fragmented experiential perception to the *unity of cognition* thought of not as a derivative, not as a mere combination of separate perceptions, or an abstract generalisation of independent observations, but as the main, basic and therefore *creative unity*, as *the origin of the emergence of manifold, Ursprung der Erzeugung*. "For we know," Cohen teaches, "that on the issue of thought, i. e. creation, we deal with *unity*. Hence, multiplicity, which is the prerequisite of unity provided such a prerequisite is valid, must itself be created (*erzeugt*), i. e. must itself be thought as a unity. This eliminates, at least for the time being, the view that the manifold can be given to thought from outside."¹³

Therefore pure logic is the logic of the *origin, Logik des Ursprungs*.¹⁴ "Unity, identity serves as an earlier expression of consciousness itself,"

¹¹ P. Natorp. *Sotsial'naya pedagogika* [Social Pedagogics]. Translated by A. A. Grombach. St. Petersburg, 1911, pp. [19-]20, 21. [In Rus.] (*author's note*).

¹² R. Stammler. *Die Lehre von dem richtigen Rechte*. Berlin, 1902, p. 5 (*author's note*).

¹³ *Logik der reinen Erkenntnis*, p. 26 (*author's note*).

¹⁴ *Ibid.*, § 8, p. 28ff (*author's note*).

Чистая логика поэтому есть логика *первоначала*, *Logik des Ursprungs*³⁰. «Единство, тождество служит более изначальным выражением самого сознания, — пишет Наторп, — многообразие же, т. е. множественность и различие, служит выражением того, что сознанию противопоставляется, — выражением его общего объекта, явления. Истинный отправной пункт познания находится в первом, а не во втором, но нам надо было еще поразмыслить над этим отправным пунктом, и это размышление, которое еще не было познанием, а только искало доступа к нему, исходило [...] от прослеживания многообразного, от опыта. Таков именно смысл слов Канта, что опыт есть начало познания, но не источник, из которого оно происходит»³¹. (Многообразие единичных вещей, явлений представляется наперед как бы налично данным в восприятии опыта, и единство в этом многообразии представляется искомым, заданным. Однако после того, как пройден путь от наличного многообразия явлений к объемлющему его единству, нетрудно убедиться в том, что многообразие единичных явлений, связанных в целостное единство, в свою очередь, представляет не менее важную проблему, нежели объединяющее начало или, по правде сказать, — ту же самую задачу, но лишь поставленную с другой стороны.)

5

Итак, знание, согласно принятому допущению, есть *целостное единство многообразного* — не простая производная сумма независимых слагаемых, не совокупность отдельных данных восприятий или их отвлеченное обобщение, но *единство целого*, многообразие же — производный результат последующего различения, расчленения и развития целого. Так, из родово-

³⁰ Там же, § 8 стр. 28 и след. (примеч. авт.).

³¹ П. Наторп. Социальная педагогика. Стр. 21. Так, еще Аристотель различал *первое для нас* и *первое по природе*, *πρῶτον πρὸς ἡμᾶς* и *πρῶτον τῇ φύσει* (примеч. авт.).

writes Natorp, “the manifold, i. e. multiplicity and difference, expresses what is juxtaposed to consciousness, its general object, phenomenon. The true starting point of cognition is in the former and not in the latter, but we should give thought to this starting point, and this reflection, which was not yet cognition, but only sought access to it, proceeded [...] from tracing the manifold, from experience. This is precisely the meaning of Kant’s words that experience is the beginning of cognition, but not the source from which it originates.”¹⁵ (The manifold of singular things, phenomena is, as it were, given in advance in the perception of experience and unity in this manifold is the required, the task. However, after the path from the given manifold of phenomena to its all-embracing unity has been traversed, it will readily be seen that the manifold of singular phenomena combined in a whole unity is in turn a no less important problem than the uniting principle or, indeed, the same task, only given from the other side).

5

Thus, in accordance with the accepted assumption, knowledge is a *holistic unity of the manifold*, not a mere derivative sum of independent terms, not a combination of separate given perceptions or their abstract generalisation, but a *unity of a whole*, while the manifold is a derivative of subsequent differentiation, dismemberment and development of the whole. Thus, from a generic concept are “generated” specific and particular concepts, from laws and propositions, e. g. axioms, “flow” consequences, e. g. various theorems. In general, all the singular and particular is embedded in some whole, grows out of it, as it were, like or-

¹⁵ P. Natorp. *Sotsial’naya pedagogika*, p. 21. Already Aristotle distinguished *the first for us* and *the first by nature*, *πρῶτον πρὸς ἡμᾶς* and *πρῶτον τῇ φύσει* (author’s note).

го понятия «порождаются» видовые и частные понятия, из законов и положений, напр. аксиом, «вытекают» следствия, напр. различные теоремы. Вообще все единичное и частное укоренено в каком-либо целом, как бы вырастает из него подобно тому, как органы в живом организме путем расчленения и развития вырастают из первоначально простого целого, клетки. Иногда такое целостное единство именуется *живым органическим* в противоположность совокупности самостоятельных слагаемых, или *механическому агрегату*. «Единство (сочетания нескольких элементов) имеет *неорганический* характер в том случае, если части, входящие в него, существовали раньше целого и образовали целое только после встречи друг с другом и, следовательно, после внешнего взаимодействия». «Наоборот, единство имеет *органический* характер в том случае, если целое существует раньше входящих в него частей, так что части возникли из целого путем расчленения (дифференцирования) целого»³². Н. О. Лосский признает «одною из заслуг школы Когена» учение о *сплошности* предмета знания, о *цельном порождении* его моментов, а не о мозаичном синтезе из разрозненных А, В, С. Это понимание предмета знания, по справедливому заключению Н. О. Лосского, «неизбежно ведет к понятию предмета как *системы* в смысле *органического миропонимания*»³³. Целостное единство познания тогда только может быть признано *творческим источником* многообразного, *живым органическим целым*, если оно *безусловно всеобъемлюще* и *совершенно полно, адекватно* своему предмету. А безусловная полнота присуща только *бесконечности*. Поэтому творческое целое должно быть *бесконечно*. Всякое производное единство, механическая совокупность необходимо конечна, хотя может не быть завершена и представляет собою незаконченный ряд. Творческое целое должно быть *сверх того и непрерывно*: лишь при этом условии

gans in a living organism grow out of an initially simple whole, the cell, by division and development. Sometimes such whole unity is termed *living organic* in contradistinction to a combination of independent terms or *mechanistic aggregate*. "Unity (of a combination of several elements) has an *inorganic* character if its constituent parts existed before the whole and formed the whole only after encountering one another and, consequently, after external interaction." "By contrast, unity has an *organic* character if the whole exists before its constituent parts such that the parts arose from the whole through division (differentiation) of the whole."¹⁶ N. O. Lossky recognizes that "one of the valuable contributions to philosophy made by Cohen's school" was the doctrine of the *uninterrupted character* of the object of knowledge, of the *holistic generation* of its elements and not a mosaic synthesis of disparate A, B, Cs. This understanding of the object of knowledge, as N. O. Lossky rightly concludes, "inevitably leads to the concept of the object as a *system* in the sense of *organic* perception of the world."¹⁷ The unity of cognition can only be recognised as a *creative origin* of the manifold, a living organic whole if it is *unconditionally all-embracing* and *completely full* and *adequate* to its object. And only *infinity* is unconditionally full. Therefore a creative whole must be *infinite*. Every derivative unity, mechanical combination, is inevitably finite although it may not be completed and represents an open-ended sequence. A creative whole must furthermore be *uninterrupted*: only on this condition does such a whole possess unconditional wholeness of all the allowable options, only then is it truly all-embracing. Creative wholeness and infinite uninterruptedness of knowledge is what Cohen called *purity, Reinheit*.

³² Н. Лосский. Введение в философию. Ч. 1, СПб. 1911. Стр. 7 (примеч. авт.).

³³ Н. Лосский. Мир как органическое целое. М. 1917. Стр. 14–15 (примеч. авт.).

¹⁶ N. Lossky. *Vvedeniye v filosofiyu*. Part 1, St. Petersburg, 1911, p. 7 (author's note).

¹⁷ N. Lossky. *Mir kak organicheskoye tseloye* [The World as an Organic Whole]. Moscow, 1917, pp. 14-15. [In Rus.] (author's note).

такое целое содержит в себе безусловную полноту всех допустимых возможностей, лишь тогда оно поистине всеобъемлюще. Творческая полнота и бесконечная непрерывность знания и есть то, что Коген называет *чистотой*, *Reinheit*.

Каждое родовое, общее понятие содержит в себе непрерывность индивидуальных различий, объемлет бесконечность видовых частных и единичных особенностей³⁴. Каждый научный закон, каждое научное положение, например аксиомы геометрии, законы механики, охватывают бесконечность следствий, теорем, явлений, фактов. При этом само знание в силу своей непрерывности и бесконечности охвачено неудержимым внутренним потоком движения. Никакая систематика явлений, данная в той или иной классификации понятий, никакая система законов природы не раскрывают неисчерпаемой полноты и бесконечного разнообразия явлений, но дают лишь некоторое отдаленное приближение к совершенному, полному знанию. Ежедневный опыт обнаруживает приток все новых и новых явлений, которые должны быть включены в систему, классифицированы, появление новых фактов побуждает искать исчерпывающее объяснение им в законах природы. С обнаружением новых явлений и фактов приходится производить пересмотр, перестановку и видоизменение понятий и положений, заменять более узкие и тесные понятия более широкими и объемлющими, а это, в свою очередь, дает возможность подчинить им новые явления и разновидности. Расчленение и уточнение знания идет рука об руку с его расширением и обобщением. Так, в частном и особенном *сохраняется* всеобщее единство через бесконечную непрерывность. Погружение мысли в частное и единичное есть вместе с тем возвращение всеобщего к самому себе: *целое* находит себя в единичном, сознает себя в индивиде и таким образом приходит к самосознанию в человеческой личности.

В системе знания, т. е. в системе научных понятий и положений, *постепенно раскрывается*

Every generic, common concept contains uninterruptedness of individual differences, embraces the infinity of species, particulars and singular features. Every scientific law, every scientific proposition, e. g. axioms of geometry or the laws of mechanics, cover an infinity of consequences, theorems, phenomena and facts. Knowledge itself, owing to its uninterruptedness and infinity, is swept by an irresistible inner flow of movement. No systematics of phenomena offered by this or that classification of concepts, no system of laws of nature reveal the inexhaustible fullness and infinite diversity of phenomena, giving only a remote approximation to perfect and complete knowledge. Daily experience discovers an influx of ever new phenomena which must be included in a system, classified, and the emergence of fresh facts prompts a search for an exhaustive explanation thereof in the laws of nature. The discovery of new phenomena and facts dictates a revision, rearrangement and modification of concepts and propositions, the replacement of narrow and tight concepts with broader and more all-embracing ones; this in turn makes it possible to subordinate new phenomena and varieties to them. Differentiation and adjustment of knowledge goes hand-in-hand with its broadening and generalisation. Thus, universal unity is *preserved* in the individual and particular through infinite uninterruptedness. The immersion of thought in the individual and singular constitutes at the same time a return of the universal to itself: the *whole* finds itself in the singular, becomes aware of itself in the individual and thus arrives at the *self-consciousness* in the human person.

In the *system of knowledge*, i. e. the system of scientific concepts and propositions, *the holistic unity of being is gradually revealed*. Cohen quotes from memory the ancient dictum of Parmenides on *the identity of thought and being*. To

³⁴ Вставка вместо слова «особей».

целостное единство бытия. Коген приводит на память древнее изречение Парменида о *тождестве мышления и бытия*. Разумеется, однако, такое тождество знания и бытия присуще лишь совершенному, полному знанию, которое есть бесконечное задание, предел, высшая цель, *идеал адекватного знания*, вполне совпадающего со своим предметом, бытием. Для знания же, развивающегося исторически, такой идеал может служить лишь немеркнувшей путеводной звездой, указывающей направление и путь непрестанного развития знания, и вместе с тем полагать *мерило истинности* всякого достигнутого знания, или *идею*, как ее мыслил божественный Платон. Идея как бесконечный предел целостного единства знания и его предмета, системы мышления и бытия, таким образом, есть и *животворящий источник* возникновения, *основаноначало* всякого знания, *ἀρχή*, *Ursprung*, и вместе с тем его задание, конечная *цель*, *τέλος*. Идея одновременно есть *истина* знания, самое *бытие*, и вместе с тем разворачивается как последовательный *ход* или *путь* познания в направлении его конечной цели, или *метод* познания. *Начало*, *цель* и *путь* — все это внутренне связанные моменты единого непрерывного живого знания, в своем целостном единстве совпадающего с самим бытием.

6

Теперь может стать понятно, почему Коген ориентирует философию в факте знания. Ориентировать философию в факте знания ведь значит не что иное, как развивать внутреннюю сущность знания, его внутреннюю бесконечность, полноту и целостность, раскрывать его истину³⁵, идею, т. е. *систему*, совпадающую с самим бытием. В самом деле, несмотря на отрывочность отдельных отраслей знания, каковы математика, физика, химия, биология, несмо-

³⁵ Слово [«]истина[»] на разных языках имеет различное и неодинаковое значение: так, по-русски истина значит одновременно *искание* и *искомое*, по-гречески ἀλήθεια означает *раскрытие*, *откровение* и *то, что раскрывается*, по-немецки *Wahrheit* означает *сохранение* (примеч. авт.).

be sure, such identity of knowledge and being is characteristic only of perfect and complete knowledge which is an infinite task, the limit, the supreme end, an *ideal of adequate knowledge* fully coinciding with its object, with being. For knowledge evolving historically such an ideal can only be an ever bright lodestar showing the direction and path of the constant development of knowledge and at the same time providing the *measure of the truth* of all achieved knowledge, or the *idea*, as the divine Plato thought it. The idea as the infinite limit of the whole unity of knowledge and its subject, the system of thought and being is thus a *life-giving origin* of the emergence, the *first beginning* of all knowledge, *ἀρχή*, *Ursprung*, and at the same time its task, the ultimate *end*, *τέλος*. The idea is at the same time the *truth* of knowledge, *being* itself and yet it unfolds as the *progressive course* or *path* of cognition towards its ultimate end, or the *method* of cognition. The *beginning*, *end* and *path* are all inherently interconnected aspects of the unified, uninterrupted and living knowledge which in its whole unity coincides with being itself.

6

It may now be clear why Cohen orients philosophy in the fact of knowledge. To orient philosophy in the fact of knowledge means nothing else than to develop the inner essence of knowledge, its inner infinity, fullness and completeness, to reveal the truth,¹⁸ the *idea*, i. e. the *system* which coincides with being itself. Indeed, in spite of the fragmentariness of certain areas of knowledge such as mathematics, physics, chemistry and biology and in spite

¹⁸ The word "truth" has differing meanings in different languages: thus, in Russian *istina* means both *searching* and *the searched for*, in Greek ἀλήθεια means *uncovering*, *revealing* and *that which is revealed*, and in German *Wahrheit* means *preservation* (author's note).

тря на их прерывность, между ними наблюдается определенное взаимное сотрудничество, связь и солидарность. Одни отрасли знания по отношению к другим играют вспомогательную, служебную роль материала, пользуясь тем же со стороны других. Развитие науки, сверх того, от времени до времени показывает рождение новых посредствующих промежуточных отраслей знания. Такова, например, возникшая сравнительно недавно физиология, объясняющая биологические процессы органической жизни физическими и химическими причинами (физико-химические процессы питания, кровообращения, процессы в мускульной и нервной ткани) и как бы перекидывающая мост между органическим и неорганическим миром явлений. Наконец, не следует забывать, что все отрасли современного знания исторически коренятся в единой всеобъемлющей и нерасчлененной сфере знания, в древности получившей как раз наименование софии, мудрости, а потом — философии³⁶, откуда они постоянно выделялись, развивались путем расчленения, дифференцирования. Это обстоятельство указывает на внутреннюю непрерывность, сродство и целостное единство знания, которое так или иначе должно быть восстановлено. Восстановление целостного единства знания может быть достигнуто не иначе как строго *методически*, а именно постепенным приведением всех отраслей знания в единую цельную *систему знания*.

II. Философия и культура

1

Методическое объединение всех отраслей знания в систему осуществимо *путем приведения к единству основных начал, или принципов, наук*. Таким образом, трансцендентальный метод, или ориентирование философии в факте науки, приводит к системе науки и тем

³⁶ [Сноска вычеркнута:] Слово *философия*, *φιλοσοφία*, сложилось в среде Сократа — Платона и означает *любовь, стремление к мудрости*.

of their discreteness, there is a certain mutual cooperation, connection and solidarity between them. Some branches of knowledge play an auxiliary role of material to other branches while enjoying the same status with regard to other branches. In addition to this, the development of science from time to time sees the birth of new mediating branches of knowledge. An example in point is the relatively recent birth of physiology which explains the biological processes of organic life by physical and chemical causes (physical-chemical processes of nutrition, blood circulation, processes in the muscle and nerve fabric) and throws, as it were, a bridge between the organic and inorganic worlds of phenomena. Finally, it should be kept in mind that all branches of modern knowledge are historically rooted in the unified all-embracing and integral sphere of knowledge which in ancient times was called *sophia*, or wisdom, and then philosophy,¹⁹ from which they constantly became isolated through division and differentiation. This circumstance points to the inner uninterruptedness, kinship and holistic unity of knowledge which must in any case be restored. Holistic unity of knowledge can only be restored in a rigorously *methodical* way, namely by gradually bringing all the branches of knowledge into a unified integral *system of knowledge*.

II. Philosophy and Culture

1

Methodical unification of all the branches of knowledge in a system can be carried out *by bringing about a unity of the main fundamentals, or principles of sciences*. Thus, the transcendental method, or orienting philosophy in the

¹⁹ [Crossed out footnote:] The word *philosophy*, *φιλοσοφία*, came into use in the Socrates-Plato milieu. It means *love of and a striving towards wisdom*.

самым — к раскрытию целостного единства предмета знания, бытия. При этом, согласно мысли Когена, такое раскрытие единства бытия должно происходить строго *методически* и заключается в планомерном и систематическом развитии основных начал самых наук. Таким образом, завоевания и приобретения науки, научного знания отнюдь не утрачиваются для философии и вместе с тем сохраняется законный и плодотворный союз науки с философией. Путь восхождения мысли через науку к философии есть, так сказать, восхождение по ступеням бесконечности.

Ибо ведь научные понятия и положения, системы понятий и научных законов, объемля необозримые множества отдельных явлений, фактов, представляют собою как бы бесконечности первого порядка. При всем том область любой науки, в свою очередь, есть как бы бесконечность второго порядка. Ведь каждая наука, как, например, геометрия, механика, представляет безграничное поле связанных между собой положений, аксиом, теорем, законов или, как отрасли биологии, ботаника, зоология, — безгранично разветвляющееся древо понятий. Ни в один исторически данный момент развитие науки не может быть признано окончательно завершенным; всегда возможно открытие новых явлений и фактов, образование новых понятий и научных законов, как более специальных, так и все более общих. Тем не менее вся бесконечная внутри сфера каждой науки объемлется одним основным понятием, или принципом, идеею; вся безграничная сфера геометрии объемлется единой идеею пространства, вообще сфера математики — идеею количества, область физики — идеею закономерности движения, область биологии — идеею органической целесообразности и т. д. Идеи числа, пространства, движения, органической целесообразности содержат отчет научного сознания в своих собственных существенных, *конститутивных* принципах, т[ак] к[ак] оно,

fact of science, leads to a system of science and thereby to the discovery of the holistic unity of the object of knowledge, being. In Cohen's view, the unity of being should be revealed in a strictly *methodical* way and should consist in a planful and systemic development of the main principles of the sciences themselves. Thus, the gains and acquisitions of science, of scientific knowledge are by no means lost for philosophy and at the same time the legitimate and fruitful alliance between science and philosophy is preserved. The ascent of thought through science to philosophy is, so to speak, an ascent up the steps of infinity.

Indeed, scientific concepts and propositions, systems of concepts and scientific laws, spanning as they do the vast multitude of phenomena and facts are, as it were, infinities of the first order. However, the area of any science is in turn, as it were, an infinity of the second order. For every science, as for example geometry and mechanics, offers a boundless field of interconnected propositions, axioms, theorems, laws or, like the subdivisions of biology, botany and zoology, are an infinitely branching tree of concepts. At no historical moment can the development of science be declared to be finally completed; there is always the possibility of discovering new phenomena and facts, forming new concepts and scientific laws, both more specialised and more general. Even so, the whole inwardly infinite sphere of every science is informed with one basic concept, or principle, idea; the whole infinite sphere of geometry is embraced by the single idea of space, the sphere of mathematics in general by the idea of quantity, the sphere of physics by the idea of the law-governed movement, the sphere of biology by the idea of organic purposiveness, etc. The ideas of number, space, movement, organic purposiveness contain a report of scientific consciousness regarding

сознание, находит эти идеи во всех моментах соответствующих отраслей знания. В свою очередь, эти основные идеи представляют собою как бы бесконечности второго порядка. Наконец, отдельные отрасли знания и их основные принципы не исчерпывают всей области знания, т[ак] к[ак] история развития науки свидетельствует о рождении новых и новых отраслей знания, как математический анализ, биология, физиология, психология и другие промежуточные. Поэтому возникает задача отыскания животворящего принципа всей сферы знания, всей системы науки. Такой жизненный принцип, очерчивая бесконечный «круг знания», вместе с тем открывает закон постепенного построения и определения самого предмета знания, объекта.

Так предмет постепенно раскрывается³⁷ в чисто количественных, потом в пространственных определениях, потом в известных механических, химических, биологических соотношениях. Так, прежде всего предмет есть геометрическое тело, т. е. место точек, затем система центров сил, равновесие энергий, далее — организм, т. е. система органов и функций, совокупность живых организмов объединяется в «надорганическую» группу, или общественное «тело». В этой последовательной лестнице определений низшая ступень отнюдь не отменяется, не упраздняется, но, напротив, сохраняется в высшей ступени, как превзойденный, подчиненный, но необходимый момент. Таким же точно образом вся сфера отдельных отраслей знания, наук, в свою очередь, сохраняется, содержится как подчиненный, превзойденный момент в философии, которая в науке почерпает свое многообразно специальное содержание и сохраняет в ней твердую почву. Так взаимно оплодотворяют друг друга философия и наука, связанные неразрывными узами: наука сообщает философии удостоверенное исследование *положительное содержание*, философия —

its own essential *constitutive* principles, since this consciousness finds these ideas in all aspects of the corresponding branches of knowledge. These main ideas in turn are, as it were, infinities of the second order. Finally, separate branches of knowledge and their main principles do not exhaust the whole area of knowledge because the history of the development of science attests to the birth of ever new branches of knowledge, such as mathematical analysis, biology, physiology, psychology and other intermediate branches. This presents the challenge of finding a life-giving principle of the whole sphere of knowledge, the whole system of science. Such a life principle in outlining an infinite “circle of knowledge” discovers the law of gradual building and determination of the object of knowledge.

Thus the object is gradually revealed in purely quantitative, then in spatial definitions and finally in certain mechanical, chemical and biological correlations. Thus, an object is above all a geometrical body, i. e. the place of dots, then a system of force centres, balance of energies, then an organism, i. e. a system of organs and functions; a combination of living organisms is combined to form a “supra-organic” group or the social “body”. On this successive ladder of definitions the lower stage, far from being cancelled or abolished is, on the contrary, retained in the higher stage as a superseded, subordinate but necessary element. Similarly, the whole sphere of separate branches of knowledge, the science, in turn, is preserved, contained as a subordinate, sublated element in philosophy which draws from science its variously specialised content and preserves solid ground in it. Thus philosophy and science cross-pollinate, being linked by inseparable bonds: science provides philosophy with *positive content* certified by investigation and philosophy discovers the perspectives for science,

³⁷ Вставка вместо зачеркнутого «является».

открывает науке ее перспективы, сообщает ей внутренний смысл и ценность, дает отчет в ее задачах, предмете и методе. Вот глубокий и полновесный смысл «ориентирования» философии в науке.

2

Нам могут, однако, возразить: допустим, что ориентирование философии в науке оплодотворяет взаимно и науку, и философию, допустим, что одна из³⁸ задач философии заключается в развитии жизненного принципа и внутренней сущности науки, в раскрытии системы научного знания и вместе — самого предметного бытия как подлинного объекта науки в целом. Тем не менее ведь мир не тождествен только природе, составляющей предмет науки, теоретического знания в тесном смысле. Ведь кроме природы и науки о ней существует еще бесконечно богатый и разнообразный мир духовной, культурной жизни человека. Ведь кроме природы и науки, существует мир человеческой деятельности и общественных отношений, мир художественного творчества, наслаждения и религиозного служения. Ведь живое сознание человека не исчерпывается только научным знанием; ведь кроме интеллекта человеку присуще волевое устремление и напряжение, наконец — неисчерпаемо богатый и глубокий мир чувств, чаяний и упований. Неужели же философия, столь основательно и добросовестно ориентированная в науке, в теоретическом знании, оставит без внимания эти столь существенные и важные интересы и потребности человеческого духа, закроет на них глаза и умолчит о них, как о досадной иллюзии?

Напротив, философия, ориентированная в научном знании, не только не игнорирует общественной, художественной и религиозной жизни человека, но, наоборот, настоящим образом призвана раскрыть основы

lends it inner meaning and value, reports on its tasks, object and method. This is the deep and underlying meaning of the “orientation” of philosophy in science.

2

An objection may be raised, however. Let us assume that the orientation of philosophy in science mutually pollinates science and philosophy, let us assume that one of the tasks of philosophy is to develop the life principle and inner essence of science, to reveal the system of scientific knowledge and at the same time of objective being as the true object of science as a whole. And yet the world is not identical with nature alone, which constitutes the object of science, theoretical knowledge in the narrow sense. In addition to nature and the science of it there is also the infinitely rich and varied world of the human being's spiritual and cultural life. In addition to nature and science there is the world of human activity and social relations, the world of creative art, pleasure and religious service. The human being's living consciousness is not limited to scientific knowledge alone; in addition to intellect the human being has the striving of the will and tension, and finally the inexhaustibly rich and profound world of feelings, aspirations and hopes. Is it possible that philosophy, so thoroughly and honestly oriented in science and theoretical knowledge, would ignore such essential and important interests and needs of the human spirit, shut its eyes to them and pass them over in silence as an annoying illusion?

On the contrary, philosophy oriented in scientific knowledge, far from ignoring the social, artistic and religious life of the human being, is urgently called upon to reveal the foundations and give a report on the diverse areas and facets of human consciousness. Moreover, lack of

³⁸ Вставка двух слов: «одна из».

и дать отчет во всех разнообразных направлениях и гранях человеческого сознания. Мало того, неуспех ее в этом деле свидетельствовал бы о полной несостоятельности самого исходного начала и указывал бы на необходимость для построения системы иных начал и оснований философии, нежели ориентирование в факте науки. И в самом деле, философия Когена никогда не обнаруживала притязаний на то, чтобы ограничить и замкнуть кругозор философского творчества рамками научного «панметодизма». Ориентирование философии есть лишь первый, наиболее скромный шаг ее, за которым должны последовать другие, более смелые и решительные. Мало того, именно для того философия Когена и ориентируется сначала в факте научного знания, чтобы тем свободнее развернуть более глубокие основы культурной жизни человека. Первый шаг на пути обеспечения самостоятельных, неотчужденных прав культурного сознания составляет признание Когеном, вслед за Кантом, *границ научного*, т. е. теоретического в тесном смысле, познания природы, границ человеческого интеллекта.

В самом деле, теоретическое познание человека, наука о природе строго ограничена и обусловлена пределами опыта. Правда, границы эти, как мы видели, подвижны и текучи; каждое достижение научного знания связано с объемом наличного опыта, восприятия, и потому ограничено и условно.

Каждое понятие, каждый научный закон представляет *условное предположение, гипотезу*, которая держится или рушится вместе с явлениями и фактами, которые объединяет. Открытие новых явлений и фактов требует новых понятий и положений. Научное знание живет, т[ак] сказ[ать], изо дня в день, движется шаг за шагом по пути частичных достижений и *условных истин*. Чисто всеобщее знание, идея в науке разворачивается постепенно, шаг за шагом, всегда дана в виде *частного* достижения, всег-

success in this matter would attest to the total failure of the starting foundation and spell the need to build a system of principles and foundations of philosophy different from the orientation in the fact of science. Indeed, Cohen's philosophy never sought to circumscribe the horizon of philosophical creativity and limit it to scientific "pan-methodism". Orientation of philosophy is but its first and the most modest step which should be followed by other, bolder and more decisive steps. Indeed, Cohen's philosophy first orients itself in the fact of scientific knowledge precisely in order to have more freedom in revealing the deeper foundations of the human being's cultural life. The first step towards asserting independent and inherent rights of cultural consciousness is Cohen's recognition, after Kant, of the *limits* of scientific (i. e. "theoretical" in the narrow sense) cognition of nature, the limits of the human intellect. Indeed, the human being's theoretical cognition, the science of nature is strictly limited to and conditioned by experience. True, these limits, as we have seen, are fluid; every achievement of scientific knowledge depends on the amount of available experience and perception, and is therefore limited and relative.

Every concept, every scientific law is a *conditional supposition, a hypothesis* which stands or falls together with the phenomena and facts that it unifies. Discovery of new phenomena and facts calls for new concepts and propositions. Scientific knowledge lives, as it were, from day to day, moving step by step along the road of partial achievements and *relative truths*. Purely common knowledge, idea in science unfolds gradually, step by step and is always presented in the shape of a *separate* achievement, always bears the mark of being conditional and limited, is always a *hypothesis*; the universal manifests itself in the particular and individ-

да сохраняет пятно условной ограниченности, всегда есть *гипотеза*; всеобщее раскрывается в особенном и частном, каковы видовые понятия и специальные научные законы. Идея безусловного всецелого знания таким образом прежде всего показывает, что *не есть действительное* исторически данное научное знание, факт науки, и вместе с тем указывает, чем знание *должно быть* на самом деле. Целостное единство и полнота бытия для научного знания есть «вещь в себе», обнять, схватить которую во всей полноте знание стремится, никогда не будучи в состоянии вполне достигнуть искомой цели. Итак, теоретическое знание, наука о природе всегда есть ограниченная, условная и частичная истина, границы которой, однако, *подвижны*.

3

Идея всецелого и полного единства, однако, не есть *только отрицательная граница* научного знания, но вместе с тем и *начало положительное*. Человек живет не только данною минутою, сегодняшним днем; он заглядывает в будущее, ставит *цели и строит планы* и осуществляет их целесообразной и планомерной деятельностью, личными и совместными усилиями. Со стороны осуществления, выполнения деятельность людей представляет собою разединение и соединение сил природы; давно известно, что человек не может создать в природе новых сил и может лишь разнообразно *сочетать*, комбинировать наличные силы природы и этими комбинациями достигать новых результатов. Все чудеса техники, создающие господство человека над силами природы, обусловлены его целесообразной, планомерной деятельностью. Так цели и планы человека творят новый *порядок* естества, создают новые сочетания сил природы. Наконец, деятельность человека встречает границу и предел со стороны деятельности другого человека; самостоятельная деятельность отдельного человека,

such as species, concepts and specialized scientific laws. The idea of the unconditional universal knowledge thus indicates above all what *is not real* historically given scientific knowledge, a fact of science, and at the same time shows what knowledge *ought to be* in reality. For scientific knowledge holistic unity and completeness of being is “a thing in itself” which knowledge seeks to embrace and capture in all its completeness, never being able to quite achieve the coveted end. Thus, theoretical knowledge, the science of nature is always a limited, relative and partial truth whose limits, however, are *fluid*.

3

The idea of integral and complete unity, however, is *not only a negative limit* of scientific knowledge, but at the same time a *positive element*. Man does not live only in the moment; he looks into the future, sets *goals and makes plans* and implements them through purposive and planful activity, *personal and conjoint efforts*. From the viewpoint of execution, human activity is taking apart and combining the forces of nature; it has long been common knowledge that the human being cannot create new forces in nature, he can merely *combine* them in various ways and achieve new results through these combinations. All the technical wonders that enable man to dominate the forces of nature are conditioned by his purposive planful activity. Thus, goals and plans of the human being create a new *order* of nature, new combinations of natural forces. Finally, the human being's activity is limited by the activity of other human beings; independent activity of a separate human being, his freedom, clashes with the activity of other people, meets with obstacles on their part, joint and coordinated

его свобода сталкивается с деятельностью других людей, встречает с их стороны помеху, препятствие, совместная и согласная деятельность многих людей восполняет ограниченные силы каждого и дает возможность достигать неслыханных успехов, свидетельством чего является вся разнообразная и сложная ткань культурной жизни человеческих обществ. Предоставленная личному произволу деятельность человека неизбежно приводит к господству стихийных сил и слепых стремлений, к хаосу «естественного состояния», к борьбе всех против всех, к анархии, в которой перевес имеет беззастенчивая дерзость и грубая сила. Напротив, в *сообществе других* человек встречает не только ограничение, сужение своей деятельности, но, наоборот, расширение, восполнение и углубление своей личности. Впервые в лице «другого» человек находит отражение своего я, находит себя в другом, сознает свою личность³⁹. Порядок и целостное единство во взаимные отношения людей вносит *идея должного бытия, Sein des Sollens*, нормы права и государства, регулирующие, направляющие разнообразную совместную деятельность людей и созидающие нормативный порядок культурного бытия, государственно-общественный быт человека. Идея как норма должного, долженствующего бытия есть предмет второй части системы философии, этики чистой воли, ориентированной не только в науке и в логике чистого познания, но ближайшим образом — в праве и в науке права. Нередко (напр., Е. В. Спекторский) подвергали сомнению существование науки права как действительной систематической и наукообразной дисциплины. Другие (Б. А. Кистяковский) полагают, что этика может быть ориентирована единственно в юридической догматике. Однако при этом нередко упускают из вида то обстоятельство, что современная наука проводит грань между *общей* и *особенной частью* отраслей права. Тогда как особенная часть есть приклад-

³⁹ Это и предыдущее предложения внесены в текст от руки.

activity of many people replenishes the limited power of each and enables them to achieve unheard-of success, as witnessed by the entire diverse and intricate fabric of the cultural life of human societies. Left to personal arbitrariness, the human being's activity inevitably leads to the domination of spontaneous forces and blind aspirations, the chaos of the "natural state", the struggle of all against all, anarchy in which shameless impudence and crude force have an advantage. In contrast, in a *community of others* a person meets not only with constraint and narrowing of his activity but, on the contrary, with a broadening, enhancement and deepening of one's personality. In the person of "the other" the human being for the first time finds a reflection of his *self*, finds himself in the other and becomes aware of his personality. Order and holistic unity are introduced into the mutual relations among people by the *idea of the being of "the ought"*, *Sein des Sollens*, norms of law and state which regulate and guide the multifarious conjoint activities of people and create the normative order of cultural being, the state and social being of the human being. Idea as a norm of what ought to be is the subject of the second part of the system of philosophy, the ethics of pure will, oriented not only in science and in the logic of pure cognition, but more immediately in law and in the science of law. The existence of the science of law as a real systemic and science-like discipline has often been questioned (e.g. by E[vgeniy] A. Spektorsky). Others (B[ogdan] A. Kistyakovsky) believe that ethics can be oriented only in *legal dogma*. However, at the same time, the fact that modern science draws a distinction between *general* and *specialised* areas of law is often overlooked. Meanwhile the specialised part is the applied, technical branch of law ([Rudolf] Stammer), consisting

ная, техническая отрасль права (Штаммлер) и состоит в раскрытии и развитии внутреннего состава и содержания норм действующего права согласно правилам формальной логики для разрешения тесно ограниченных задач; общая часть юридических дисциплин, напр. гражданского, государственного, уголовного права, содержит подлинные юридические начала в виде *основных юридических понятий и положений, т[ак] наз[ываемых] конструкций*, как семья, собственность, договор, различные виды обязательств, наследование, государство как правовое лицо и правоотношение, преступление, наказание и т. д. Эти юридические конструкции, в прежнее время относимые к области т[ак] наз[ываемого] *естественного права*, представляют собою *общую теоретическую часть* науки права, в которой может быть ориентирована этика чистой воли, эта, по мысли Когена, *логика гуманитарных наук, наук о духе*.

4

Две первые части системы философии, логика и этика, раскрывают идею: первая в частном ограничении, вторая — в безграничной всеобщности и совершенной чистоте. Идея в действительности природы раскрывается не целиком, не вполне, но постепенно, отчасти, шаг за шагом, ограниченная условиями и отрицаниями; словом — природа есть рядоположность, «инобытие идеи», *Anderssein der Idee*, говоря словами Гегеля. Напротив, *должное есть идея в ее отрешенной*⁴⁰ *чистоте и целостности, Allheit*, свободная от частных условий и ограничений. Но взятая сама по себе в ее отрешенности⁴¹ чистая идея всеединства (*Allheit*) не содержит ручательства своего воплощения в частном и единичном. Напротив, прекрасное в природе и в искусстве свидетельствует как раз о воплощении идеального в действительности, целостного в частном и особенном, идеи в наглядном представлении, в созерцании, в образе⁴².

⁴⁰ Вставка.

⁴¹ Вставка вместо зачеркнутого «целостности».

⁴² Вставка двух слов: «в образе».

in revealing and developing the inner constitution and content of the norms of effective law in accordance with the rules of formal logic to solve strictly limited tasks; the general part of juridical disciplines, e. g. civil, state and criminal law, contains properly legal principles in the shape of the *main legal concepts and regulations, so-called constructions*, such as family, property, contract, various types of liabilities, inheritance, state as a legal entity and as legal relationship, crime, punishment etc. These legal constructions, which formerly referred to so-called *natural law*, represent the *general theoretical part* of the science of law in which the ethics of pure will which is considered by Cohen to be the *logic of humanities*, the sciences of spirit, can be oriented.

4

The first two parts of the system of philosophy, logic and ethics, reveal the idea: the former in a particular limitation and the latter in boundless generality and perfect purity. The idea is revealed in the reality of nature not fully, not entirely, but partially and gradually, step by step limited by conditions and negations; in short, nature is coordinate with and represents “otherness of the idea”, *Anderssein der Idee*, to use Hegel’s term. In contrast, *the ought is the idea in its isolated purity and wholeness, Allheit*, free from particular conditions and restrictions. However, the pure idea of all-unity (*Allheit*) taken as such in its isolation is not guaranteed to be embodied in the particular and the singular. On the contrary, the beautiful in nature and in art demonstrates precisely the embodiment of the ideal in reality, the whole in the particular and the special, the idea in its visual representation, in intuition, in image. The degree to which the ideal is embodied in reality is attested in human being by the incom-

Степень воплощения идеала в действительности удостоверяется в человеке несравнимым и незаменимым художественным чувством, бескорыстным эстетическим наслаждением. Третья часть системы философии, «Эстетика чистого чувства», ведает принципы прекрасного в природе и в искусстве, исследует проявления художественного творчества и наслаждения. В трех частях системы, «Логике», «Этике», «Эстетике», раскрываются отдельные стороны всеединого, идеи: условная ограниченность особенного, безусловная всеобщность всеединого, воплощение безусловного и всеобщего в условном и особенном. Но ведь индивидуальный человек, единичная личность раскрывает в себе единство и внутреннюю связь всех поименованных моментов: частного, всеобщего и особенного. В человеке связаны и сплетены и познание, интеллект, и воля, и чувство, каждое его «переживание», а не только некоторые из них, многосторонни и многогранны, активно-пассивны⁴³, представляют *единство* познания, воли и чувства. Наконец, всеобщая идея *находит себя самое* в единичном индивидуе, в живой человеческой личности.

Отдельный человек, отличая и противопоставляя свою собственную индивидуальность другим, находит в себе и в других единую общую сущность, «находит себя в другом» и другого в себе, *сознает себя, приходит к самосознанию*. В бесконечном разнообразии индивидуальных личностей живет единый всеобщий дух. Учение об отражении и преломлении Единого Всеобщего Духа в индивидах, в этих монадах, микрокосмах, созданных по образу и подобию всеединого, есть четвертая часть системы философии — Психология, *учение о единстве культурного самосознания*, или о душе человека. Впрочем, психология Когена доньше не напечатана, и здесь мы предоставлены на произвол более или менее вероятных догадок и предположений. Во всяком случае, психология в системе Когена призвана объединять, завершать и увенчивать все здание философии.

⁴³ Вычеркнуто: «(Петражицкий)».

parable and irreplaceable feeling, by selfless aesthetic pleasure. The third part of the philosophical system, *Aesthetics of Pure Feeling*, deals with the principles of the beautiful in nature and in art and studies the manifestations of artistic creativity and pleasure. The three parts of the system, *Logic*, *Ethics* and *Aesthetics*, look at different aspects of the all-unity, the idea: the relative limitation of the particular, the unconditional oneness of the all-unity, the embodiment of the unconditional and the general in the conditional and particular. Yet the human individual, the single person reveals in himself the unity and inner connection of all the above-mentioned elements: the singular, the general and the particular. Interconnected and interwoven in human being are cognition, intellect, will and feeling; every “experience”, and not only some of them, is many-sided and multi-faceted, active-passive,²⁰ representing *unity* of cognition, will and feeling. Finally, the general idea *finds itself* in the singular individual, in the living human personality.

The individual person, distinguishing and opposing his own individuality to others, finds in himself and in others the single common essence, “finds himself in the other” and the other in himself, *becomes conscious of himself, and attains self-consciousness*. The one universal spirit abides in the infinite variety of individual personalities. The teaching on how the One Universal Spirit is reflected and refracted in individuals, in these monads, microcosms created in the image and likeness of the all-unity constitutes the fourth part of the philosophical system, Psychology, the *teaching on the unity of cultural self-consciousness*, or the human soul. However, Cohen’s psychology has not been printed yet, leaving us at the mercy of more or less probable guesses and assumptions. In any case, psychology in Cohen’s system is called upon to unite, complete and crown the entire edifice of philosophy.

²⁰ Struck out here: (Petrazhitsky).

Таким образом, система философии, согласно замыслу и отчасти выполнению Когена, есть последовательный ряд отражений и преломлений Всеединой и Чистой Истины, Идеи: сначала идея «является», «полагается» в ограничении и в условном отрицании, в «инобытии» природы, затем идея раскрывается в отрешенной безусловной всеобщности и чистоте как должное бытие, потом как частное и особенное в наглядном представлении и художественном созерцании; наконец, целое находит, обретает себя в единичном, индивидуальном, приходит к самосознанию в человеческой личности, в душе человека. Так последовательно развивается внутренняя жизнь идеи, разворачивается постепенно Система Чистой Философии.

5

Читатель, знакомый с историей философии, легко найдет черты, сближающие учение Г. Когена с системами великих творцов западноевропейской философии: Платоном, Декартом, Лейбницем, Кантом, Фихте и Гегелем. Коген сам не упускает случая и повода указать на исторически-преемственную связь своих учений с идеями Платона, Декарта, Лейбница и Канта. С Платоном его роднит учение о чистом знании и бытии, учение об Идее; поэтому и самое учение Когена может быть охарактеризовано как новое возрождение Платонова идеализма, как современный *платонизм*⁴⁴. Особенно существенна для понимания исторической преемственности идей Когена связь его учения с учением Платона об идее как условном предположении, *гипотезе*, *ὕποθεσις* в VI книге «Государства» и о верховной идее добра, *ἀγαθόν* как безусловном, *ἀνυπόθετον*. Связью с этими учениями Платона о верховенстве этического начала, идеи добра, по-видимому, в значительной степени обуславливается господство этической идеи должного в системе Когена, придающее

⁴⁴ Зачеркнута приставка «нео-».

Thus, the system of philosophy, in accordance with the design and partially the fulfillment, is a sequence of reflections and refractions of the One and Pure Truth, the Idea: first the idea “appears itself” and is “posited” in restriction and relative negation, in the “otherness” of nature, then the idea reveals itself in isolated unconditional universality and purity as being what ought to be, then as singular and particular in visual representation and artistic intuition; and finally the whole finds itself in the singular, in the individual, attains self-consciousness in the human personality, in the human soul. Thus the inner life of the idea progressively develops and the System of Pure Philosophy gradually unfolds.

5

The reader familiar with the history of philosophy will easily find the features which bring Cohen's teaching closer to the systems of the great creators of the Western European philosophy: Plato, Descartes, Leibniz, Kant, Fichte and Hegel. Cohen himself never misses an opportunity or an occasion to stress the historical continuity between his doctrines and the ideas of Plato, Descartes, Leibniz and Kant. With Plato, he shares the doctrine of pure knowledge and being, the doctrine of the Idea; that is why Cohen's teaching may be characterised as a new revival of Plato's idealism, as contemporary *Platonism*. Of particular importance for understanding the historical continuity of Cohen's ideas is the link between his doctrine and Plato's doctrine of the idea as a conditional supposition, *hypothesis*, *ὕποθεσις*, in book VI of *The State*, and the supreme idea of the good, *ἀγαθόν*, as the *unconditional*, *ἀνυπόθετον*. The link with these teachings of Plato on the supremacy of the ethical principle, the idea of the good, seems to be largely responsible for the predominance of the ethical idea of the ought in

его учению характер этического идеализма по преимуществу. Впрочем, эти же черты учение Когена разделяет с учением Канта о примате, или первенстве, практического разума над теоретическим и с этическим идеализмом Фихте Старшего. С Декартом, этим основателем новейшей математики (аналитической геометрии) и философского рационализма («Рассуждение о методе», «Метафизические размышления о первой философии»⁴⁵), Когена роднит свойственный его философии научный дух, связь его философствования с математикой и проистекающий отсюда рационализм. У Лейбница Коген заимствует анализ идеи математической бесконечности, характеризующий особенность новейшей математики. Влияние трансцендентальной философии Канта на Когена было отмечено выше. При этом существенный шаг вперед и преобразование идей Канта у Когена явилось как следствие анализа математической бесконечности, к которой Кант лишь вплотную подошел в Антиномиях «Трансцендентальной диалектики». Менее подчеркивает Коген связь своей философии с идеями Фихте Старшего. Наконец, если судить по внешним выражениям и прямым заявлениям Когена, отношение его к Абсолютному Идеализму Гегеля прямо враждебно. У Гегеля, как и у Фихте Старшего, Коген находит отсутствие систематического расчленения идеи, философский «романтизм», выразившийся у Фихте в засилии практического начала над теоретическим, должного над сущим, у Гегеля же, напротив, в отождествлении понятия и идеи, в поглощении этически⁴⁶ должного логически сущим. И панморализм Фихте, и панлогизм Гегеля встречают одинаково отрицательное и враждебное отношение со стороны Когена. Особливую же неприязнь Коген питает к учениям Аристотеля и Спинозы. Аристотель, по отзыву Когена, есть родоначальник эклектического раздвоения и реализма в философии; «две души» живут в

Cohen's system which lends his doctrine the character of ethical idealism *par excellence*. As a matter of fact, Cohen's doctrine shares the same features with Kant's doctrine of the supremacy of practical reason over theoretical reason and with the ethical idealism of Fichte the Elder. To Descartes, the founder of the newest mathematics (analytical geometry) and philosophical rationalism (*Discourse on the Method, Metaphysical Reflections on First Philosophy*²¹) Cohen is brought closer by the scientific spirit of his philosophy, the link of his philosophising to mathematics and the resulting rationalism. From Leibniz Cohen borrows the analysis of the idea of mathematical infinity which is a feature of the newest mathematics. The influence of Kant's transcendental philosophy on Cohen has been mentioned above. Cohen made a substantial step forward and transformed Kant's ideas thanks to the analysis of mathematical infinity which Kant merely approached in his Antinomies in the "Transcendental Dialectic". Less stressed by Cohen is the link between his philosophy and the ideas of Fichte the Elder. Finally, judging from his external manifestations and express statements Cohen was definitely hostile to Hegel's Absolute Idealism. In Hegel, as well as Fichte the Elder, Cohen finds a lack of systematic dismemberment of the idea, philosophical "romanticism", manifested by Fichte in the predominance of the practical over the theoretical, of what ought to be over what is, and by Hegel, in contrast, in the identification of concept and idea, in the absorption of the ethical ought by the logical existing. Cohen is equally negative and hostile towards Fichte's panmoralism and Hegel's panlogism. He is particularly averse to the teachings of Aristotle and Spinoza. Aristotle, according to Cohen, is the founder of eclectic duality and realism in philosophy; "two souls" live in Aristo-

⁴⁵ Точнее, «Размышления о первой философии».

⁴⁶ Вставка.

²¹ Precisely, *Meditations on First Philosophy*.

Аристотеле: одна обращена к единичным явлениям, вещам, другая — к абсолютным «сущностям» вещей, субстанциям. Поэтому Аристотель в глазах Когена, в прямую противоположность Платону, есть родоначальник обоих видов философского реализма: эмпиризма и метафизического онтологизма. Спиноза в глазах Когена есть родоначальник философии, противящейся систематическому расчленению знания и сливающей все области его в единой безразличной среде, абсолютной субстанции: пантеизм Спинозы, т[аким] обр[азом], есть родоначальник всяческого «романтизма», философии тождества Шеллинга и панлогизма Гегеля.

6

Одну из особенностей философии Когена составляет, как было отмечено, ориентирование в факте науки и притом — в математическом естествознании, т. е. в математике и чистой механике. Это обстоятельство придает философии Когена характерную односторонность, отвлеченный рационализм и интеллектуализм.

Гегель, напротив, ориентировал свою философию в истории и религии: уже его «Феноменология духа», это предначертание его будущей системы, учение о развитии индивидуального и универсального Духа, по существу есть философия истории. Его система философии открывается Логикой, т. е. учением об абстрактном Бытии, о Боге, и завершается учением об Абсолютном Духе, о Самой себя мыслящей мысли, в которой Дух приходит к самознанию. Коген, в противоположность Гегелю, ориентирует «Логiku чистого познания» в абстрактных точных науках, математике и чистой механике, «Этику чистой воли» — в праве и науке права⁴⁷, «Эстетику чистого чувства» — преимущественно в классическом искусстве. Такое ориентирование философии преимуще-

⁴⁷ Ученик и последователь Когена Гёрланд ориентирует этику в истории: Albert Görland. *Ethik als Kritik der Weltgeschichte*. [Reihe:] Wissenschaft und Hypothese. XIX. Leipzig und Berlin. 1914 (примеч. авт.).

tle: one faces singular phenomena, things, and the other faces absolute “essences” of things, substances. Thus Aristotle, Cohen believes, entirely in contrast to Plato, is the progenitor of both types of philosophical *realism*: empiricism and metaphysical ontologism. Spinoza, in Cohen’s opinion, is the founder of a philosophy which opposes systematic dismemberment of knowledge, blending all its branches in a single indifferent medium, an absolute substance: Spinoza’s *pantheism* is thus the source of all kinds of “romanticism”, Schelling’s *philosophy of identity* and Hegel’s *panlogism*.

6

One of the features of Cohen’s philosophy, as has been noted, is orientation in the fact of science, specifically in *mathematical natural science*, i. e. mathematics and pure mechanics. This circumstance lends Cohen’s philosophy its characteristic one-sidedness, abstract rationalism and intellectualism.

Hegel, on the contrary, oriented his philosophy in history and religion: already his *Phenomenology of Spirit*, a harbinger of his future system, the doctrine of the development of the individual and universal Spirit, is essentially a philosophy of history. His system of philosophy opens with Logic, i. e. a doctrine of abstract Being, of God and ends with the doctrine of the Absolute Spirit, of thought that thinks itself, in which the Spirit attains self-consciousness. Cohen, unlike Hegel, orients *The Logic of Pure Cognition* in abstract exact sciences, mathematics and pure mechanics, the *Ethics of Pure Will* in law and the science of law²², and the *Aesthetics of Pure Feeling* mainly in classical art. The orientation of philosophy primarily in abstract,

²² Görland, a disciple and follower of Cohen, orients ethics in history: Albert Görland. *Ethik als Kritik der Weltgeschichte*. [Reihe:] Wissenschaft und Hypothese. XIX. Leipzig und Berlin, 1914 (author’s note).

ственно в абстрактных, конструктивных элементах сознания придает философской мысли Когена характер рационализма, или *отвлеченного идеализма* — так Гегель характеризовал философию Канта и кантианство.

Философия Гегеля и Когена, по существу, однородные системы идеализма: спекулятивное мышление Гегеля и чистое познание Когена существенно родственны. Но между системами того и другого есть важная разница в оттенках. «Чистое знание» у Когена основано на математике и механике, стремится в конечном пределе свести разнообразие качественных различий к единообразию механических, количественных отношений. Коген обнаруживает соответственное предпочтение объяснительному построению, анализу, и придает сравнительно меньшее значение классификации понятий, развертывающих богатство качественных многообразий, оказывает явное предпочтение математику Платону перед биологом Аристотелем. Напротив, Гегель относится несколько презрительно к абстрактному математическому знанию, сводящему разнообразие мира — действительности к единообразию количественных отношений, безразличному и равнодушному к богатству существенных качественных различий действительности. Вместе с тем Гегель неоднократно указывает на внутреннее сродство своих идей с учениями Аристотеля.

Итак, как философия Гегеля, так и философия Когена односторонне ориентированы, одна в математике, другая в истории человечества. Поэтому они как бы взаимно пополняют и исправляют одна другую, и полная истина, быть может, — в их систематическом соединении. Если восходить глубже, то полноту истины следует искать в синтезе Платона и Аристотеля, математического построения и классификации понятий, абстрактного идеализма и конкретного реализма. Попытка синтеза Платона и Аристотеля, как известно, дана в философии Плотина и неоплатонизма.

constructive elements of consciousness lends Cohen's philosophy the character of rationalism, or *abstract idealism*, as Hegel described the philosophy of Kant and Kantianism.

The philosophies of Hegel and Cohen are essentially homogeneous systems of idealism: Hegel's speculative thinking and Cohen's pure cognition reveal essential kinship. However, there is an important difference of shades between their systems. Cohen's "pure knowledge" is based on mathematics and mechanics and seeks ultimately to reduce the variety of qualitative differences to uniform mechanical, quantitative relations. Accordingly, Cohen prefers explanatory building and analysis, paying comparatively less attention to the classification of concepts, which unfold a wealth of *qualitative* diversity; he clearly prefers Plato the mathematician to Aristotle the biologist. By contrast, there is a touch of contempt in Hegel's attitude to abstract mathematical knowledge which reduced the diversity of the world, reality to the uniformity of quantitative relations, impersonal and indifferent to the vast array of essential qualitative differences in reality. However, Hegel repeatedly stresses the inherent kinship between his ideas and Aristotle's doctrines.

Thus, Hegel's philosophy and that of Cohen have one-sided orientations, one in mathematics and the other in human history. So they seem to mutually complement and correct one another, with the full truth perhaps lying in their systemic combination. To dig deeper, the full truth should be sought in a synthesis of Plato and Aristotle, of mathematical building and classification of concepts, abstract idealism and concrete realism. An attempt to synthesise Plato and Aristotle is known to have been made in the philosophy of Plotinus and Neo-Platonism.

Особенности философского течения мысли, представленного Г. Когеном, сплетаются в едином узле: в его попытке разрешить религиозную проблему по пути, проложенному Кантом. Как известно, Кант попытался дать решение религиозной проблемы, оставаясь «исключительно в пределах разума», *innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft*.

Теоретический разум, наука изучает связь явлений сущего согласно закону причинности, т. е. необходимой последовательности во времени. Практический разум, или нравственный закон свободы, категорический императив, предписывает то, что должно быть, дает норму должного поведения. Согласно «критической» раздельности, расчлененности теоретического и практического разума, невозможно умозаключать прямо и непосредственно от должного к сущему, от требований нравственного закона к реальной действительности. Решение религиозной проблемы Кантом в двух словах сводится к «постулату практического разума»: для того, чтобы действовать в согласии с требованиями нравственного закона свободы, необходимо иметь уверенность, что нравственное усилие не останется втуне, не пропадет понапрасну, но воплотится в действительности.

Отсутствие высшей инстанции, ведающей единство сущего и должного, теоретического и практического Разума, восполняется у Канта⁴⁸ верою в существование нравственного миропорядка, чем создается ручательство осуществимости в действительности нравственно-должного. Постулат нравственной веры гласит: ты должен, следовательно, ты можешь. Коген, сохраняя в общем решение Канта, в системе философии делает дальнейший шаг: он формулирует верховный «закон правды-истины», утверждающий единство сущего и должного бытия, всеединство чистой идеи. Однако как «закон правды-истины», так и развитие идеи Бо-

⁴⁸ Вставка: «у Канта».

The features of the philosophical current of thought represented by Hermann Cohen are intertwined in a single knot: in his attempt to solve the religious problem following the path charted by Kant. Kant, as is well-known, tried to solve the religious problem by remaining “exclusively within the limits of reason”, *innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft*.

Theoretical reason, science studies the connection between appearances of the existing in accordance with the law of causality, i. e. necessary sequence in time. Practical reason, or the moral law of freedom, the categorical imperative prescribes what ought to be, sets the norm of due behavior. In accordance with “critical” separateness, disconnection between theoretical and practical reason, it is impossible to directly conclude from what ought to be to what exists, from the demands of the moral law to reality. In a nutshell, Kant’s solution of the religious problem boils down to the “postulate of practical reason”: to act in accordance with the demands of the moral law of freedom, it is necessary to be sure that the moral effort will not be in vain, will not be wasted, but will be implemented in reality.

Kant makes up for the absence of a higher authority in charge of the unity of what exists and what ought to be, of theoretical and practical Reason, by *faith* in the existence of the moral world order, which guarantees that what morally ought to be can be realised. The postulate of moral faith says: you must, therefore you can. Cohen, while generally adhering to Kant’s solution, takes a further step in his system of philosophy: he formulates the supreme “law of truth-verity” which asserts *the unity of what is and what ought to be*, the all-unity of the pure idea. However, Cohen, following Kant, refers both the “law of truth-verity” and the development of the idea of Deity to the *Ethics of*

жества Коген вслед за Кантом относит к «Этике чистой воли». Такая односторонность равноценна односторонности Гегеля, относившего понятие Бога к логике, или учению о бытии. Правда, такая односторонность Гегеля возмещалась тем, что раскрытие абсолютного духа он видит в истории человеческой мысли. Наконец, П. Наторп склонен отнести решение той же проблемы к эстетике. Тем не менее отнесение религиозной проблемы как в область логики, так равно в область⁴⁹ этики либо эстетики, т. е. отдельной части системы философии, не может быть признано состоятельным решением вопроса.

Мы уже видели, что система философии Когена представляет собою как бы ряд отражений и преломлений единого луча Чистой Идеи⁵⁰. Логика вскрыла преломление всеединной идеи в частном и особенном, в научном законе и в понятии, этика раскрыла чистую отрешенную целостность идеи, *Allheit*, в государстве и человечестве⁵¹, эстетика находит в наглядном представлении и художественном созерцании воплощение и проявление той же целостной идеи, гармонии. Наконец, в единстве индивидуальной личности всеединство обретает свой образ и подобие, *сознает* самое себя. По мысли Когена, психология, т. е. учение о единстве сознания человека, должна увенчивать и завершать все здание системы философии, в которой Богу отведен особый флигель, вернее — скромная домовая часовня в обширном корпусе этики...⁵² Мы знаем, что, наобо-

⁴⁹ Вставка: «равно в область».

⁵⁰ Вставка вместо зачеркнутого «Истины».

⁵¹ Вставка: «в государстве и человечестве».

⁵² [Весь следующий текст сноски, вписанный от руки внизу страниц 29—30 машинописи, включая оборотные стороны, зачеркнут:] На склоне лет, в сочинении: *Der Begriff der Religion im System der Philosophie*. Philosophische Arbeiten. X. Buch, 1. Heft. Giessen. 1915, Коген признает, что в «Этике чистой воли» он не побоялся растворить религию в нравственности: «*Ich habe die methodische Konsequenz nicht gescheut, daß die Religion in Ethik sich auflösen müsse*» (назв[анное] соч[инение], стр. 42). Однако и в этом новом произведении Коген, признавая своеобразие, *Eigenart*, религиозного содержания, тем не менее отказывается видеть в нем самостоятельное направление сознания, *Bewusstseinsart* наряду с чистым познанием, чистой волею и чистым чувством, и *своеобразие* религиозного сознания сводит

Pure Will. Such one-sidedness is equal to the one-sidedness of Hegel who referred the concept of God to logic, or the doctrine of being. True, Hegel's one-sidedness was compensated for because he believed that the absolute spirit revealed itself through the history of human thought. Finally, Natorp tends to tackle the solution of this problem through aesthetics. Even so, referring the religious problem to the realm of logic, or ethics, or aesthetics, i. e. to one part of the system of philosophy, is not a satisfactory solution of the issue.

As we have seen, Cohen's system of philosophy is, as it were, a series of reflections and refractions of the single ray of the Pure Idea. Logic revealed the refraction of the all-one idea in the individual and the particular, in the scientific law and the concept, ethics revealed the pure and detached wholeness of the idea, *Allheit* in the state and in humanity, aesthetics finds the embodiment and manifestation of the same whole idea, harmony in visual representation and artistic intuition. Finally, the all-unity acquires its image and likeness, *becomes conscious* of itself in the unity of the individual personality. According to Cohen, psychology, i. e. the doctrine of the unity of human being's consciousness, should crown and complete the whole edifice of the system of philosophy in which God has a dedicated annexe, or rather a modest chapel in the huge building of ethics...²³ We know that Hegel's system, on the

²³ [The entire text of the following footnote handwritten at the bottom of sheets 29-30 of the typewritten copy, including obverse sides, has been crossed out.] In his declining years in the work: *Der Begriff der Religion im System der Philosophie*. Philosophische Arbeiten. X. Buch, 1. Heft. Giessen, 1915, Cohen recognises that in *The Ethics of Pure Will* he did not stop short of dissolving religion in morality: «*Ich habe die methodische Konsequenz nicht gescheut, daß die Religion in Ethik sich auflösen müsse*» (*ibid.*, p. 42). However, even in this new work Cohen, while admitting the originality, *Eigenart*, of religious content, nevertheless refuses to see it as an independent area of consciousness, *Bewusstseinsart*, along with pure cognition, pure will and pure feeling and reduces the *originality* of religious consciousness to a special

рот, система Гегеля увенчивалась не психологией, не учением о микрокосме, о душе человека: учение об абсолютном Духе, о чистой себя самой мыслящей и все из себя порождающей мысли, «философия самой философии» завершает все здание системы Гегеля. И нам думается, что превыше и над совокупностью преломленных и отраженных моментов чистой идеи, образующих части системы Когена, разverzается подлинная бездонная глубина Вечности

к особому видоизменению, модификации содержания чистого сознания, «eine neue Modifikation desjenigen Inhalts, dessen Erzeugung durch eine reine Bewusstseinsart bereits gesichert ist» (там же, стр. 44). С другой стороны, в том же новейшем сочинении Коген, опираясь на ветхозаветные тексты, подчеркивает тождество идеи Бога и бытия и Его единичность, *Einzigkeit* (точнее — единственность) в иудейском монотеизме. Таким образом, Бог, согласно истолкованию Когена, есть самое Единственное Бытие. В связи с этим получают новое освещение также учение Канта о «постулате практического разума» и мысли самого Когена в «Этике чистой воли» о «законе правды-истины». Бог как Самое единственное и несравненное Бытие отличен от бывания, *Dasein*, природы; Он есть основание бытия природы, *Daseinsgrund*. Закон «правды-истины», т. е. единство сущего и должного, превращается в идею сохранения мироздания, вселенной, а Бог — в виновника ее непреходящей действительности: «Gott wird daher in der Idee der Erhaltung der Welt zum Urheber ihrer unaufhörlichen Wirklichkeit». Идея Бога означает ручательство за непрестанное пребывание природы ради бесконечного развития нравственности, «die Idee Gottes bedeutet die Gewähr, daß immerdar Dasein sein werde für die unendliche Fortführung der Sittlichkeit». Поэтому идея Бога остается основным понятием, но отнюдь не исходной точкой обоснования, а его завершением: «Er bleibt vielmehr ein Grundbegriff, allerdings nicht für den Beginn der Fundamentierung, sondern allein für ihre Vollendung; aber diese Vollendung könnte ohne ihn nicht erfolgen. So bringt der Gott der Religion eine Bereicherung in die Ethik, ohne die sie ein Torso bleibe» (назв[анное] соч[инение], стр. 51). Согласно основному методу «ориентирования» философии в положительных данных, фактах сознания, приведенные мысли Когена получают подтверждение и обоснование в ветхозаветных библейских текстах, заимствованных им преимущественно из книг пророков. Таким образом, и для обоснования философии религии (Коген с недоверием относится к этому названию) сохраняет обязательное значение идея единства метода философии. Вообще в приведенных мыслях Когена мы не нашли чего-либо совершенно нового; скорее всего, это — дальнейшее развитие прежних идей. При всем том представляется непонятным, каким образом религиозное сознание остается в глазах Когена лишь «новой модификацией чистого содержания сознания». Ведь даже если согласиться с Когеном, что идея Бога завершает и увенчивает здание философии, то это завершение и венец есть самостоятельная идея (примеч. авт.).

contrary, was crowned not by psychology, not by the doctrine of the microcosm, of the human soul: the teaching on the absolute Spirit, pure thought that thinks itself and generates everything from within itself, “philosophy of philosophy itself” accomplishes the whole building of Hegel’s system. We believe that over and above the totality of refracted and reflected elements of the pure idea that form parts of Cohen’s system there opens up the genuine fathom-

modification of the content of pure consciousness, “eine neue Modifikation desjenigen Inhalts, dessen Erzeugung durch eine reine Bewusstseinsart bereits gesichert ist” (*ibid.*, p. 44). On the other hand, in the same latest work Cohen, proceeding from Old Testament texts, stresses the identity of the idea of God and being and His uniqueness, *Einzigkeit* (precisely, singularity) in Judaist monotheism. Thus God, as interpreted by Cohen, is the most Unique Being. This throws new light on Kant’s teaching on “the postulate of practical reason” and Cohen’s own thoughts on “the law of truth-verity” in *Ethics of Pure Will*. God as the most Unique and incomparable Being is different from the existence, *Dasein*, of nature. He is the foundation of the existence of nature, *Daseinsgrund*. The law of “truth-verity”, i. e. the unity of what is and what ought to be, turns into the idea of the preservation of the universe, and God into the cause of its intransient reality: “Gott wird daher in der Idee der Erhaltung der Welt zum Urheber ihrer unaufhörlichen Wirklichkeit.” The idea of God is the guarantee of the continuous existence of nature for the sake of infinite development of morality, “die Idee Gottes bedeutet die Gewähr, daß immerdar Dasein sein werde für die unendliche Fortführung der Sittlichkeit.” Therefore the idea of God remains a main concept, not, however, for the starting point of the grounding but only for the completion: “Er bleibt vielmehr ein Grundbegriff, allerdings nicht für den Beginn der Fundamentierung, sondern allein für ihre Vollendung; aber diese Vollendung könnte ohne ihn nicht erfolgen. So bringt der Gott der Religion eine Bereicherung in die Ethik, ohne die sie ein Torso bleibe” (*ibid.*, p. 51). In accordance with the main method of the “orientation” of philosophy in positive data, facts of consciousness, the above ideas of Cohen receive confirmation and grounding in Old Testament biblical texts which he took mainly from the books of prophets. Thus, to ground the philosophy of religion (Cohen mistrusts this novel appellation) the idea of the unity of the method of philosophy remains obligatory. In general, we have not found anything totally new in the above-cited thoughts of Cohen; rather, this is an elaboration of his former ideas. For all that, it remains unclear how religious consciousness remains in Cohen’s eyes only a “modification of the pure content of consciousness”. If one agrees with Cohen that the idea of God completes and crowns the edifice of philosophy then this completion and crowning is a self-contained idea (*author’s note*).

Всеединого Бытия и Самой Жизни. Новейшая философская мысль (Эмиль Ласк, Бенедетто Кроче, Ланц) преисполнена неясного сознания наивысшей ступени философии в виде *логики философии*. У Гегеля мы находим философию абсолютного духа, философию философии, в старину философы искали первой философии, *prima philosophia*. Чистая философия Когена, твердо ориентированная в научном знании, должна во всяком случае методически, шаг за шагом привести к сфере Абсолютной Истины и Вечной Жизни. Иначе она грозит не выполнить своей платоновской⁵³ миссии...

О публикаторе

Нина Анатольевна *Дмитриева*, доктор философских наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, Москва; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; Междисциплинарный центр изучения европейского Просвещения, Галле-Виттенбергский университет им. М. Лютера, Галле, Германия.

E-mail: na.dmitrieva@mpgu.su;

NDmitrieva@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

Для цитирования:

Саккетти А. Л. Философия Германа Когена / публ., предисл., коммент. Н. А. Дмитриевой // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 2. С. 95–130.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-2-4

© Дмитриева Н. А., 2021.

less depth of the Eternity of the All-One Being and Life Itself. The latest philosophical thought (Emil Lask, Benedetto Croce, Lanz) is imbued with a vague awareness of the highest stage of philosophy in the shape of the *logic of philosophy*. With Hegel, we find the philosophy of absolute spirit, the philosophy of philosophy; in the olden days philosophers looked for the first philosophy, *prima philosophia*. Cohen's pure philosophy, firmly oriented in scientific knowledge, should in any case methodically, step by step, lead to the sphere of the Absolute Truth and Eternal Life. Otherwise it may fail to perform its Platonic mission...

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The publisher

Prof. Dr. Nina A. *Dmitrieva*, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: na.dmitrieva@mpgu.su;

NDmitrieva@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

To cite this article:

Sakketti, A. L., 2021. Philosophy of Hermann Cohen (Publication, Foreword and Commentary by N. A. Dmitrieva). *Kantian Journal*, 40(2), pp. 95-130.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-2-4>

© Dmitrieva N. A., 2021.

⁵³ Вставка вместо зачеркнутого слова «нео-платонической».

